

Высшая каста

Автор:

Иван Миронов

Высшая каста

Иван Борисович Миронов

Генерал ФСБ Виктор Красноперов предлагает пресыщенным роскошной жизнью друзьям поучаствовать в засекреченном эксперименте. Российские ученые нашли в ДНК «нить времени», на которую как на видеорегистратор, записана жизнь человека. Научное открытие превращается в развлечение – «дримтриппинг» – для сильных мира сего, которые могут во сне проживать жизнь своего исторического кумира. К чему это приведет, и справится ли генерал с искушениями чужой судьбы, – обо всем этом в ярком романе «Высшая каста».

Иван Миронов

Высшая каста

© Эксмо, 2020

Глава 1. В мир духов нам доступен путь

Доживал свой короткий век другой хрустальный штоф виски, не приближая, однако, и близко к развязке разговор, продолжавший нагромождать одни лишь безответные пока вопросы. Разговор тяжелел, но, странным образом, нарастающим прессом не пригнетал собравшихся друзей, а все ошутимее манил

их острым привкусом риска, зовущей, пугающей, но не отталкивающей, а влекущей опасностью.

Они собрались втроем, привычным кругом – Михаил Арленович Блудов и Владимир Романович Мозгалеvский, преуспевающие один в бизнесе, другой в чиновничьем мире не без помощи своего старшего друга – генерала Виктора Георгиевича Красноперова, чьи звезды в линейку на погонах, в понимании друзей, не отражали всей полноты его возможностей.

– Вы когда-нибудь задумывались о самоубийстве? – генерал щелкнул гильотиной, неаккуратно ободрав верхний смолянистый с серебряным переливом лист сигары.

– С чего вдруг? Мы же православные, – поперхнулся виски Мозгалеvский.

– Я помню, – вздохнул генерал. – Это как раз и смущает. Прогуляться бы туда... и обратно, если вернуться захочется. Хотя вряд ли захочется.

– Чего на этот раз? Вискарь несвежий? Или таджики плитку на фазенде не ту выложили? – улыбнулся Блудов.

– Знаешь, Михаил Арленович, почему церковь запрещает самоубийства? – продолжал генерал, не принимая во внимание иронии друга.

– Потому что твоя судьба – это прерогатива Всевышнего, – не то спрашивая, не то утверждая, невнятно буркнул Блудов, предвидя логический тупик.

– Чушь! Скажи мне тогда, почему убить святого или гения – меньший грех, чем расстаться со своей бессмысленной параноидальной жизнью, которая противна даже тебе? Ты можешь вырезать целую обитель, уехать на пожизненное и через двадцать пять лет выклянчить помилование, вернуться в тот же монастырь на покаяние, сдохнуть, и тебя похоронят на благодатном погосте рядом с твоими жертвами. Но если ты сунул голову в петлю, собственноручно избавив мир от маньяка и придурка, то твоей матери-старушке, обезумевшей от горя, добрый батюшка, которого ты, возможно, спас от самого себя, предложит прикопать тело несчастного сына в придорожной канаве.

– Кошунствуешь, Виктор Георгиевич? – усмехнулся Мозгалеvский, пополняя стакан.

– Вы не понимаете! Люди не боятся смерти. Они боятся пограничных состояний. Я люблю океан. Но меня тошнит от четырнадцати часов перелета, от коньячных соотечественников, даже в бизнес-классе жрущих, как дураки на поминках. Ладно, черт с ними. Я не об этом. Мы боимся болезней, тюрьмы, инвалидности, забвения – того, что, как нам кажется, предваряет смерть. Но мы не боимся смерти! Боимся страданий, но не смерти. Боимся нищеты, но не смерти. Если бы она не была самым прекрасным, что подвластно человеку, оберегала бы ее церковь самым жестким запретом? А вдруг смерть – это и есть запретный плод?

– Ага. Ева не яблоко грызла, а собственные вены, – воспротивился Блудов сказанному, но почему-то не так уверенно, как ему хотелось. – Загнался ты, братуха. Поехали завтра в Дивеево. Глядишь и отпустит.

– А чего ты насчет суицида так завелся, Георгич? – Мозгалеvский принялся рассматривать генерала через хрусталь стакана.

– Хочу на тот свет слетать. Но чтобы вернуться обязательно. Это ж как во сне, только дальше.

– Не понимаю, как ты медкомиссию по службе проходишь. Не хило, поди, отваливаешь за правильную справку, – Мозгалеvский подмигнул Блудову.

– Я просто могу то, что вы не можете даже представить, а тем более поверить, – генерал не шутил, и это друзья понимали, но что-то сковывало их дальнейшее любопытство.

– Вера – это оружие наших надежд. Возможность поверить зависит только от того, насколько горячо мы чего-то хотим. Поэтому теоретически мы можем уверовать в твой самый дикий бред, – медленно проговорил Блудов, но совсем не то, что хотел сказать.

– Бред – не мой профиль, – генерал не намерен был смягчать тон разговора. – И я не меньше вашего не перевариваю психов и одержимых. Тема серьезная, хотя для вас, наверное, странная.

– Тогда уж давай, не тяни, добивай, ведь чуем, что не к десерту нас готовишь, – не выдержав напряжения, сдался Мозгалеvский.

– Думаю, для вас не секрет, что мы занимаемся не самыми легальными разработками, связанными, – в повисшую паузу генерал подбирал точную фразу, – скажем так, с расширением сознания.

– То, что ваша контора курирует производство синтетической наркоты на фармацевтических заводах и травит галлюциногенным кайфом Россию и Европу, все и так прекрасно знают. – Блуdiv попытался рассмеяться. Не получилось.

– Миша, ты, как всегда, всей пятерней в небо, – генерал энергично хватанул растопыренными пальцами воздух. – Не об этом речь. От КГБ мы получили в наследство несколько лабораторий для опытов над человеческим бессознательным. Официально это был советский ответ на один американский проект, в котором первую скрипку играл некий доктор Эвен Кэмерон, получивший в научное распоряжение живой материал.

– Он ставил опыты на людях? – Мозгалеvский крутнул стакан меж ладоней.

– Да, – кивнул Красноперов. – Кэмерон опробовал свои методы в секретных лабораториях США. Он утверждал, что существуют два ключевых фактора, которые управляют временем и пространством в нашем сознании. Первый – постоянное получение внешней информации, второй – наша память. Используя наркотики и электрический шок, Кэмерон разрушал память, а с помощью тотальной изоляции человека устранял поступление каких-либо сигналов извне. Он доводил сознание людей до состояния чистого листа, оставляя после себя сотни инвалидов. Эти программы финансировало ЦРУ. Естественно, мы не имели права отставать. Однако наши мозгоправы, которых коммунистическая партия бросила на этот неблагодарный участок работы, после развала Союза фактически стали преступниками. На их счету немало неудачных опытов на вполне себе живых людях, превратившихся из лабораторных мышей в диссидентов-героев. Поэтому лучшие специалисты этого жанра предпочли исчезнуть. Кто-то подался к азиатским диктаторам, кто-то полез в петлю, свихнувшись, а может быть, спасаясь от расправы и позора. То, что создавалось десятилетиями, безвозвратно утеряно.

– Никаких архивов? – зачем-то решил уточнить Блуdiv.

– Только теоретические наработки, общие места, так сказать. Большинство практических методик и результатов утрачены. Никто не захотел передавать новой власти готовые уголовные дела на самих себя. Но кое-что осталось, правда, в рамках чисто прикладных исследований.

– Каких именно?

– Например, охранительных. Всякое там подавление воли генераторами низких частот. Люди собираются на митинг, агрессивный настрой. Аппаратура включается: публика начинает чувствовать страх и беспокойство. Полчаса – и толпа рассосалась. Но опять-таки, все это не очень удачные аналоги израильских и американских разработок.

– А при чем здесь расширение сознания? – Мозгалеvский не отрывал взгляда от раскрученной им янтарной жидкости в стакане.

– Ну, этим занимаемся не мы, а медики, генетики и мозгоправы. Финансирование у этих ребят в два раза больше, чем у всего российского образования, а секретность пуще, чем у всех наших спецслужб. И, заметьте главное, одним из приоритетных направлений является изучение снов.

– Дарвин, Фрейд и прочая хрень? – Блудов, считавший себя неплохим аналитиком, пытался определить, куда же клонит их друг, но не мог понять и теперь неудачу свою скрывал за небрежной улыбкой.

– Установлено, – в голосе Красноперова прорезались лекторские нотки, – что человеческий мозг задействует максимум одну десятую от своих возможностей. Это распространяется и на сны. Фрейд, Юнг, Бехтерева описали лишь доли процента общего потенциала снов. Их выводы сомнительны, поскольку не имеют практических результатов. Но вот новейшие исследования ДНК и структуры человеческого мозга привели к революционным открытиям.

– Георгич, мы ж не на лекции. Можно проще, без академизма. – Блудов разлил по стаканам остатки виски.

– Удалось установить взаимосвязь работы нашей памяти и ДНК, – генерал, не чокаясь, пригубил. – Оказывается, наш мозг подобен регистратору. Он записывает всю поступающую сенсорную информацию, в том числе и время.

– И на летнее время переводится? – съязвил Мозгалеvский.

– Часы и минуты – лишь условная мера жизненного потока, – продолжал генерал. – Образ несовершенный и субъективный, это всего лишь человеческая уловка. Но время объективно, постоянно и нерукотворно, оно не может зависеть от человеческого сознания, от шестеренок и маятников. Настоящее время – это энергия, последовательная и бесконечная, которая не измеряется часами и годами.

– А чем тогда? – непроизвольно бросил взгляд на свой Breguet Владимир.

– Если бы я знал, то мог бы из времени синтезировать информацию. А это уже нечто среднее между Нобелевской премией и мировым господством. Но мы уже где-то рядом. Нам удалось установить, что ДНК фиксирует эту энергию. Каждая подобная макромолекула в нашем организме «пишет» нашу историю.

– Ничего себе объемчики! – присвистнул Мозгалеvский.

– По сути, не так и много, даже с точки зрения нашего отстающего от Создателя прогресса. Сто лет – это где-то 880 тысяч часов. В среднем на один час более-менее качественной записи требуется один гигабайт памяти. Так что на человеческий век нужно всего-навсего 860 терабайт. По сравнению с предполагаемыми объемами ДНК ничтожно мало.

– Получается, что в останках любого человека можно отыскать запись всей его жизни? – Блудов вдруг почувствовал, как сквозь мутное умничанье проглянула суть разговора, то, ради чего и собрал их сегодня друг.

– Именно! Причем энергия времени заложена в ДНК в виде уникального кода, подобного географическим широтам, распростертым на все человеческие судьбы. Но пока для ученых это всего лишь биологическая нить в электронном микроскопе, которую нельзя ни промотать, ни просмотреть, а только лишь сопоставить с жизнями современников.

– Если из ДНК нельзя извлечь информацию, то какой во всем этом смысл? Дай мне бюджеты, я тебе каждый день буду подобные открытия делать. – Что-то очень важное вновь ускользнуло от Блудова, и он уже привычно растворил

растерянность в иронии.

– Если информацию нельзя получить посредством зрения и слуха, это не значит, что она недоступна сознанию. – Генерал выдержал паузу, проследил, доходит ли до друзей им сказанное.

– Остается только ректально, – скривился Мозгалеvский.

– Чужую генетическую запись можно ввести в мозг напрямую. – Красноперов снова сделал паузу и добился своего.

– Как?! – хор друзей заставил генерала улыбнуться.

– Если совсем примитивно, то это выглядит так. Тебе делают что-то, отдаленно напоминающее лоботомию. К вестибулярным ядрам продолговатого мозга подводятся микроэлектроды. Затем пускают разряды, которые обеспечивают определенное возбуждение нужного участка мозговой коры. А дальше в шишковидную железу делается специальная инъекция, состоящая из генетической вытяжки выбранного образца, синтезированного с группой психоактивных веществ. И во сне ты начинаешь жить чужой судьбой, привитой тебе, словно оспа младенцу.

– Наркоманы хреновы! Удумали историей колоться! Да ты гонишь, Георгич! – Блудов ощутил холодок под грудиной.

– Вместо собственных снов живешь чьей-то жизнью? – Какой-то неведомый прежде азарт охватил Мозгалеvского.

– Можно и так сказать. Тебе прививают фрагмент чужой биографии, которую ты видишь в собственных снах. И каждый твой сон является продолжением предыдущего.

– И с какого момента мне станет сниться чужая жизнь? Не с пеленок надеюсь. – Мозгалеvский не выдержал, вскочил с кресла, заходил по комнате, делая боксерские нырки.

– Временная нить появляется практически сразу с момента зачатия, на первой стадии формирования эмбриона, и прерывается примерно на третий день после смерти. Но специалисты могут имплантировать тебе любой фрагмент, подобрав самый интересный возраст и эпизод.

– А когда тебя отпускает? – Блудов все еще не мог поверить в реальность сказанного генералом.

– Все зависит от специфики организма и концентрации вводимого вещества. От месяца и выше с возможностью продления. Платить такие деньги за недельную дозу просто нет смысла.

– И насколько дорогое удовольствие? – живо заинтересовался Мозгалеvский.

– Дорогое. Как все волшебное и противозаконное. Сама операция семьсот тысяч «зеленых». Плюс стоимость материала. Здесь все зависит от вашей фантазии. Генетическая вытяжка из праха твоего дедушки обойдется тысяч в пятьдесят.

– А бабушки? – думая совсем о другом, автоматически брякнул Владимир.

– Не дороже, но я бы не советовал. Половое раздвоение может спровоцировать необратимые последствия для психики и привести к потребности смены пола или гомосексуализма.

– Ну а Пушкиным?

– Все зависит от доступности захоронений. В России этим занимаются люди из ФСО в качестве дополнительного заработка. Поэтому еще за полмиллиона баксов тебе отроют хоть Бориса Годунова. Ленин – это вообще не вопрос. Наковыряют из мумии. Там есть еще живые клетки.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Ленин живее всех мертвых на земле. У него растут волосы, ногти, костюмы изнашиваются. Одни кивают на дьявольские козни, другие – на выдумки химиков. Но я бы не стал вводить в себя Ленина. Препарат из Ильича использовали на тестах. Четверых подопытных мигрантов потеряли в течение

месяца – два суицида, одно кровоизлияние в мозг, четвертый просто обезумел.

– А Чингисхана можно?

– Да хоть Мао Цзедуна! Но уже на порядок дороже. Это в России взял лопату, лом, ксиву, и любые кости в твоём распоряжении, а осквернением иностранных могил у нас Служба внешней разведки промышляет. У них и аппетиты выше, и гонорары. За любой мало-мальский риск кланчат Золотую Звезду героя, а это ещё дополнительные расходы. Зато с такими снами любой язык за месяц освоишь, хоть китайский, хоть древний монгольский в совершенстве.

– А много уже таких... пассажиров, что ли?

– Половина нашей элиты, как пить дать. Президенту сначала Петра I вкололи, сейчас Махатму Ганди смотрит, опять-таки по слухам. Премьер качнул в себя Наполеона, через неделю начались истерики, видите ли, спать страшно стало. Чуть проект не закрыли. Сейчас ему Стива Джобса пообещали, вроде успокоился.

– Сатанизм какой-то, – Михаила передернуло.

– Всего лишь наука. Мы не воскрешаем людей, мы только оживляем их чувства. Сам Святейший благословил. Поговаривают, заказал себе сны папы римского Александра VI. Короче, предлагаю вам составить мне компанию.

– Куда? – все тот же дружный хор.

– В историю! – генерал вновь не сдержал улыбки. – Мне сейчас надо ехать, а в субботу жду на даче.

Глава 2. Юная особь

Виктория в отличие от большинства нежных особ, представляясь новым знакомым, к своим ещё свежим годам присовокупляла несколько лет, чтобы слегка упираться головой в тридцатник. Она стеснялась своего настоящего

возраста, явно недотягивающегося до окружающей ее кричащей роскоши. Девушка уже завязала с проституцией, по крайней мере так считала. Она давно занималась бизнесом, весьма успешно, по крайней мере так считали окружающие. Вика усиленно боролась с моральным бременем содержанки, донимавшим ее, как донимают солдат раны ампутированных конечностей, и периодически вступала в бой с женами своих благодетелей. В отличие от собаки, осмелевшей обляять хозяйку в минуту ревности к хозяину, получив пинка, Вика не возвращалась на место, поскуливая и поджав хвост, но гордо удалялась прочь, вынашивая план коварной мести, который зрел ровно до встречи очередного поклонника.

Хотя Эдуард Зиновьевич, последний кавалер Вики, которого она оставила полгода назад, и поступил благородно, заплатив банку полмиллиона долларов – остаток кредита за апартаменты в жилом комплексе «Алые полюса», девушка считала его бесконечным скрягой, научившись измерять щедрость мужчин не своими желаниями, а их возможностями. Квартира действительно была великолепна. Двадцать третий этаж, панорамные окна с видом на речную пойму затмевали дурную славу роскошного муравейника «неземных» человеков.

Строгинский канал, взрывавший живым серебром скуку зеленых равнин, являлся творением советских каторжан. Тела «сгоревших» на работе и расстрелянных эков-землекопов сваливали в могильники, вырытые по соседству. Когда же недоставало камня для укрепления берегов, то, как утверждают злые антисоветчики, с окрестных кладбищ экскаваторами и тракторами собирали весь могильный мрамор памятников и плит с косточками в довесок. Во время стройки «Алых полюсов» нашли останки одиннадцати расстрелянных бедолаг, что по тогдашней ельцинской моде грозило обернуться уродливыми мемориалами и шумным паломничеством либеральных плакальщиков, что не входило в планы либерального бизнеса. Поэтому останки вместе с мусором загрузили в самосвал и вывезли на ближайшую помойку. Ровно через год на месте стройки случился пожар, в пламени которого сгорело одиннадцать работяг. Чтобы освятить проклятое место, пригласили отца Стефана из Троице-Лыкова. Спускаясь в подвал «Алых полюсов», священник сломал руку. Через неделю прибыл новый батюшка. Но стоило только ему начать молитву, солнечный день оглушила буря, песчаный вихрь ворвался в подвал, затушив свечи и засыпав песком чашу со святой водой. Батюшка побледнел и спешно ретировался. С тех пор несчастья сопутствовали стройке: разбилось, сгорело, сорвалось с высоты не меньше тридцати человек. Уже и после окончания строительства мертвецы не переставали мстить нарушившим их покой и оскорбившим память. С жуткой регулярностью и без видимых причин жильцы

«Алых полюсов» ныряли с балконов и выходили из панорамных окон. Не вдаваясь в биографию дома, соседи погибших списывали прыжки в вечность на скуку и наркотики.

Вика не стала исключением в утверждении Бальзака, что куртизанки по природе монархистки, щедро оплачивая политической благонадежностью очередь охочих до безграничных утех, свихнувшихся от денег и фармакологических радостей чиновников, ментов и коммерсантов. Конечно, ее не могло не тяготить сотрудничество с ФСБ в сборе компромата на клиентуру. Однако она ценила полууважительную полудистанцию, которую держали чекисты, и была благодарна им за ненавязчивость задач. Тем более служители Лубянки никогда не покушались ни на состояние, ни на тело девушки. Их интересовали только информация и контроль. Для этого они объединили всех красавиц, приторговывавших собой, в так называемую «сеть безопасности», суть которой состояла в том, что дама, решившая самостоятельно покорять панель без помощи «крыш», сутенеров и борделей, должна зарегистрироваться в интернете в специальной закрытой сети. Когда ей звонил клиент, она вбивала его номер телефона в систему и моментально получала отзывы всех шлюх, к которым имел неосторожность заглянуть сей искатель продажных ласк. Сделав запрос, она должна оставить и свой отклик. Таким образом, программа содержала специфическую информацию о клиентской базе дорогих столичных путан. Имея доступ к программе, которая писалась явно по заказу ФСБ, можно с легкостью установить благосостояние, склонность к наркотикам, особенности характера, маршруты передвижения и любимых девочек клиента, имевшего легкомыслие засветить свой номер. База открывала неограниченные перспективы для оперативно-розыскных мероприятий, вербовки, сбора компромата, подстав и провокаций.

Вика в душе уже давно склонялась к затворничеству, несмотря на то что жила свиной жизнью, словно боясь света и трезвости. Она старалась ничего не загадывать, считая, что глупо задумываться о завтрашнем похмелье.

Девушка любила книги. Сначала она подходила к чтению сугубо утилитарно, справедливо рассуждая, что начитанная и эрудированная шлюха будет производить фурор среди зажатых удовольствиями, но не самых глупых мужиков. Потом втянулась, она находила в книгах философскую отдушину среди человеческой грязи высшей пробы.

Вика строго следовала в фарватере гламурной моды и к своим годам протащила и без того безупречное тело чрез все испытания пластической хирургии. На свой двадцать четвертый день рождения она даже заказала у одного из любовников новые зубы, посчитав, что родные слишком поизносились куревом, кофе и амфетаминами. Хирургические опыты прибавляли ей глянца, возраста и внешней пошлости, уплотнив и укрепив ряды поклонников, особенно среди государственных мужей кавказских республик и Средней Азии. Продажные знакомства делали ее желанной на всех светских вечеринках, из которых Вика предпочитала околбизнесовые и околполитические. Уже три года кряду она традиционно блистала на закрытых тусовках Международного экономического форума. И несмотря на то, что конкурировать с нетрадиционными мальчиками за похотливое покровительство кремлевских дядек становилось все сложнее, с пустыми руками домой она никогда не возвращалась.

Последним экспонатом ее коллекции стал господин генерал грозного государева Приказа. Познакомились они банально в ресторане бутылкой «Дом Периньон» от соседнего столика. Как ни парадоксально, привычное знакомство не привело к оперативному физиологическому вмешательству. Отношения складывались неспешно, тепло и сдержанно. Ни он, ни она не форсировали близость, словно оберегая себя от очередного падения. Они наслаждались общением, находя в нем непознанную оригинальность и интригу, отсрочивая известную до изжоги развязку. Эйфория блуда одинакова, и неважно, к кому она обращена. В ней нет глубины, есть только дно. Блудная страсть подобна наркотику, но осознать это может только наркоман, собравшийся сорваться с кайфа.

Еще не решившись претендовать на сердечную тиранию, Вика была крайне аккуратна в звонках, скидывая нейтрально-деловую эсэмэску и ожидая перезвона, который обычно следовал незамедлительно.

– Привет, не спится? – проскрипел в трубку генерал.

Вика отметила про себя с трудом уловимые беспокойные нотки и решила, что момент для разговора выбран не совсем удачно. Однако ее предложение перенести разговор собеседник встретил искренним протестом.

– Я просто звоню узнать, как дела. Представляешь, заказала еду. Привезли супчик, рыбку, туда-сюда. А у меня привычка есть в постели. Ну вот, выключаю свет, залезаю под одеяло, распаковываю свой ужин, и вдруг сообщение с

незнакомого номера: «Приятного аппетита!» Я чуть не поседела. А это, оказывается, курьер-придурок решил прогнаться.

– Трусиха, – смехом отозвался генерал.

– Дело не в этом. Не страшно ходить ночью по кладбищу, страшно чихнуть в пустой квартире и услышать «Будь здорова!»

– Наверное, – зевнул генерал, пропуская мимо слова подруги.

– С тобой все в порядке?

– Да, конечно.

– Мы сегодня можем увидеться. У меня через полчаса запись на массаж. Я освобожусь...

– Викусь, не получится. Плохо себя чувствую. Надо пораньше сегодня лечь. – Генерал не любил врать, считая это чем-то недостойным себя, а оттого прибегал ко лжи лишь в крайних случаях и лишь к равным себе. В Вике генерал видел только занятную интрижку, и убивать непринужденность общения бременем мелкого лукавства он не собирался.

– Что-то серьезное? Может, апельсинов привезти?

– В норме. Просто надо выспаться.

Сухо попрощавшись, легким мазком полутонув подчеркнув задетое самолюбие, девушка отключилась. Мысль, перебиравшая варианты, как развеять непривычную ночную скуку, то и дело спотыкалась о шершавый разговор с Виктором. В конце концов, обозлившись на него и себя за испорченное настроение, Вика откупорила бутылку «Гави», отключила телефоны и возлегла на диван с початым томиком «Анны Карениной». Двухдолларовая купюра, служившая закладкой, отмеряла сто страниц романа. Вика пыталась продолжить когда-то заброшенное чтение, однако из всех обрушившихся на нее имен она с уверенностью опознавала лишь Анну Аркадьевну и Алексея Кирилловича. Прожевав без аппетита несколько абзацев, девушка осушила

бокал вина и, вздохнув, начала книгу с первой страницы. Примерно через час, наскучившись охотой Левина и Вронского до каких-то глупых баб, Вика, отбросив роман в сторону, схватила телефон. Бутылка вина иссякла, хмель и бессонница хозяйничали в голове девушки. Она писала генералу. Ответа не последовало. Покрутив в руках айфон и покусав губы, она все-таки набрала номер. Абонент был отключен. «И в метро он не ездит!» – резюмировала Вика, закинулась снотворным и полезла под одеяло.

Глава 3. Ничто так не связывает людей, как пороки

Что их объединяло? Странное презрение к жизни и ко всему ее наполняющему. К своему пятому десятку, а им троим и было примерно по сорок пять или чуть более, в целом безмятежного существования, каждый из них успел обзавестись состоянием, державным кабинетом и образцовой для нашего времени семьей, оставить которую не позволяли общий ребенок и общая собственность. Они были элитой. Стратегическим авангардом президентской стабильности. Их имена не звенели в «Яндексе», их знали только те, кто сталкивался с ними лично.

* * *

Самый младший из них, Владимир Романович Мозгалеvский возглавлял какой-то московский департамент. Служба его тяготила. Кроме денег, грехов и зависимостей, она ничего не приносила.

После школы папа, командующий красноярским филиалом ФСБ, выписал Володе генеральскую путевку в МГИМО с ключами от столичной недвижимости и «Мерседесом» на непроверяйках. Парень мечтал стать журналистом, но отец прочил юноше карьеру дипломата, благо Володя, несмотря на высокие соблазны, учиться любил. К своему выпуску, на радость семье, он не женился, не сторчался, но послом так и не стал, выдвинувшись, не без помощи родни, на передовую бюджетных распилов. Спустя пару лет жениться все-таки пришлось на несоблазнительной однокласснице, чей папа Евгений Самойлович стал для Владимира новым причалом в бюрократической стихии отечества. Отец-чекист, к тому времени почетный пенсионер, выбор сына не одобрил, но принял с

покорностью нищего. Свадьбу сыграли в Марбелье на вилле у родителей невесты. Уже к тридцати годам Владимир владел двумя особняками в Подмоскowie, тремя квартирами в Москве и апартаментами в районе старой Ниццы. Родилась дочь, чернявенькая кривоzubка с врожденной патологией, унаследованной по линии матери. На этом Владимир генетические опыты решил прекратить, скрываясь от семьи в трудах и тусовках, нередко сталкиваясь в «Раю» и в «Сохо» со своей суженой.

Потом пошли девки и кокаин, которые быстро превратились из наслаждения в привычку. От тухлого блеска спасали книги, которые Владимир проглатывал захлеб. Он предпочитал советскую историю, обожал Сталина – одну из немногих симпатий, привитых ему отцом. По взглядам Мозгалеvский-младший был государственник, уважал Путина, хотя никогда и не голосовал за него, считая выборы уделом лохов. Он ненавидел коммерсантов вообще, а своих собратьев-чиновников в частности. Ненавистью и презрением к ним, как к классу, оправдывал Мозгалеvский неумность собственного аппетита до взяток и откатов, которые ему несли чемоданами. Чиновники представлялись Владимиру племенем крыс, грызущих трюм Родины. Себя он видел матросом этого корабля.

Были ли у него друзья? Вряд ли. С чего вдруг? Друзья – это плоды испытаний и плоды невзгод. В школе он был неразлучен с Васькой, друг за друга всегда и везде. В одиннадцатом классе Володя приревновал подругу к парнишке из соседнего двора, слово за слово – забили стрелку. Они пришли вдвоем с Васей, против них целая кодла. Вова, недолго думая, достал нож. Соперник выжил, но почку пришлось удалить. Замять дело вчистую не смог даже всесильный отец. Крайним пришлось сделать закадычного друга. Володя уехал учиться в Москву, а Вася – мотать срок на малолетку. Судьбой друга он больше не интересовался, удовольствовавшись обещанием отца помочь Василию вскорости выйти.

Москва прельстила Вову и новыми друзьями, и необъятными горизонтами. Оказавшись в хороводе отпрысков лучших людей страны, он тянулся до них как мог, уже не чувствуя под ногами землю. Эскалация возможностей – деградация желаний, которые износили душу, испортили кровь. Вечное сияние столицы – сияние пустоты и цинизма: люди-фантики и люди-звери. А он метался между двух лагерей, мирно пожиравших друг друга.

* * *

В отличие от Владимира, Михаил Арленович Блудов душою не болел, по крайней мере не обследовался. Он жил легко и быстро, на длинном вздохе. Миша искусно воплощал в себе несочетаемое. Неистовую веру и неумный блуд, слезную жалость к бездомным животным и безмерную жестокость к потерпевшим, проходившим по его уголовным делам. Он был прекрасный семьянин, образцовый муж и заботливый отец, в том числе и для семей, им когда-то оставленных. Бандитские девяностые крепко рихтанули судьбу и психику нашего героя, оставив на память пару лицевых шрамов, рассеченную автоматной пулей голову и несколько погостов друзей. О мятежном десятилетии он вспоминал не без удовольствия, но и без ностальгии.

Миша горел мгновением. Страсть и пороки без жадности разменивал на покаяние и молитву. Шел к исповеди подобно самосвалу, свозившему грязный снег на переплавку, чтобы потом налегке устремиться за новым грузом. Бандитизм остался в прошлом вместе с погашенными судимостями. Блудов вовремя успел покинуть эту кипящую страстями стихию, устремившись в солидный бизнес. Братьев по оружию, застрявших в терках и качалках, он считал пещерными гопниками, прикидывая, кого из них примут следующего. Обществу воров он теперь предпочитал общество генералов, хотя свято чтит дни рождения как первых, так и вторых.

Михаил жил на два города. В родном Смоленске процветала крупнейшая сеть супермаркетов, молочный заводик, колбасный цех, десяток заправок и аптек. По городу гремели стройки, полностью контролируемые Мишей. Председатель смоленского заксобрания, вице-губернатор и смотрящий за областью от братвы были преданными собутыльниками. Депутатский мандат «Единой России» в следующий созыв Госдумы был выдружен и оплачен. Три уголовных дела успешно развалены и ровно столько же построено храмов при попечительстве Михаила Арленовича Блудова. Впрочем, юг Франции он навещал гораздо чаще, чем отчий регион. Он, как и Мозгалеvский, верил в Путина, в силу признавая правоту.

Михаил не любил «черных», однако ежемесячно платил дань местной миграционной службе за своих таджикских рабов, поднимавших жилищный фонд области. Он верил в Россию и стабильность, не видя в них будущего для своих детей. Но, вопреки желанию бывших супружниц, Михаил оставил семьи в России, дочерей пристроив в МГУ, а сына – в Суворовское училище. Сытость мозолила Мише национальную гордость, вместо боли рождая скуку и апатию. Он разучился восторгаться и страдать. Желудочный сок разъедал совесть, оставляя

от нее понты и понятия. Мишу уважали все, кроме него самого. Все думали, что он бежит, но его несло. Куда? Миша не знал сам, но боялся берега.

Володю Мозгалева ему порекомендовали как серьезного решальщика. И правда, все вопросы были улажены, деньги с лихвой оправданы. Пара попоек их окончательно сблизила. Устав от собственного окружения, для всех одинаково чужие, они тянулись к новым знакомствам, в поисках себе подобных. Конечно, в этой дружбе каждый видел и грядущие возможности. Однако взаимно пьянствовать ради карьерных перспектив для новых товарищей было пошло и неинтересно. Друг в друге они разгадывали собственные грехи, пытались отыскать им оправдание. Их разговор занимали история и политика, иногда робко влезали литература и философия. Дружья спорили, горячо и матерно, но поскольку их взгляды в целом были однойцевые, то при единстве предмета несогласия спорящие стороны периодически противоположно менялись.

* * *

Спор на двоих – диалог идиотов. Даже если ты не уверен в собственной правоте, у тебя хватит гордости стоять на своем до конца. Тщеславие всегда затмевает истину. Смысл всякого спора – не убедить друг друга, а перетянуть на свою сторону сомневающихся зрителей. Поэтому для любой дискуссии, как и для любой дружеской компании, нужен, как минимум, третий. Третьим стал Виктор Георгиевич Красноперов – генерал Федеральной службы безопасности, сделавший блестящую карьеру офицера и бизнесмена. Стезя коммерции давалась ему особенно легко, поскольку чекистские погоны не только решали вопросы и открывали двери, но и освобождали от многих ранее взятых на себя обязательств. Свой первый миллион евро он заработал чуть раньше подполковничьих звездочек. Виктор Георгиевич курировал несколько «президентских» фондов, ветеранских и спортивных ассоциаций, служивших надежными финансовыми инструментами для привлечения внебюджетных средств. Он не любил крышевать, ему нравилось покровительствовать. К нему шли как к государеву человеку – с поклонами и дарами, почитая господина Красноперова реинкарнацией Малюты Скуратова. В делах семейных он был небрежен, в делах сердечных – неразборчив. Благо дети, выросшие в казарменной строгости, папаню особо не тревожили. К товарищам своим – Мише с Вовой – он относился с братской любовью старшего и мудрого. Они вместе отдыхали, отмечали праздники и поводы, иногда встречались в спортивном клубе. А познакомились на каком-то высоком банкете.

Разнообразие дел, игривый риск и тотальное низкопоклонство превратили жизнь генерала в бесконечный Лас-Вегас. Он не скучал, но больше уже не удивлялся. Его существование напоминало остросюжетную компьютерную игру, которую он проходил по пятому кругу. В вечном поиске адреналина он даже поучаствовал в контртеррористической операции на Северном Кавказе, убил двух ваххабитов, пару раз шмальнул из «мухи» по дому, в котором засели террористы, погонял на «Тигре», за что был удостоен ордена Мужества. Потом в Казахстане на вертолетах стрелял архаров, потом на Галапагосах ловил марлина...

Сочетание успеха и порядочности в России – это извечная борьба и единство противоположностей. Человек разумный и успешный соткан из парадоксов, обостряющих хроническую русскую совесть, лекарство от которой – наши пороки, имеющие для души те же побочные эффекты, что и антибиотики для организма. Потомственный офицер Красноперов, зная власть изнутри, никак не мог ее любить. Но в то же время власть дала ему все насущное, вознесла и обогатила. Себя он видел похожим на Владимирского князя, отхватившего в Орде ярлык на великое княжение, знатного и могущественного, но с закабаленной славой и волей. Кстати, княжество у него было – пятьдесят тысяч гектаров тверской земли вместе с разоренными фермерскими хозяйствами, серыми деревеньками, охотхозяйствами, сорняковыми полями и затянутыми в тину прудами. Господская резиденция, представлявшая сложную систему особняков, бань и домиков для прислуги, помпезно высилась на волжском утесе. Река здесь проходила крутым заломом, целуя берег золотистыми песчаными губами, с бархатной тенью ила. Местный губернатор побаивался Красноперова, закрывая глаза на забавы опричника и его близких: всесезонную охоту в заповедных угодьях, побои ментов и местных чиновников. Пришлось простить даже погром двух азербайджанских ресторанов, принадлежавших зятю главы областного суда.

В своем имении генерал появлялся регулярно, не жалея времени на дорогу, – оставаться на ночь в Москве он не любил.

Глава 4. Рискуй, играй и попирай закон

Из леса вышли двое. Направились к поселку, хотя поселком назвать его было трудно, скорее хутор. Четыре небольших двора и огромное имение за забором, оснащенным всякими техническими премудростями и отсеченным крутым обрывом Волги. Возле пятиметровой ограды ютилась кирпичная избушка с разбитым вокруг нее яблоневым садом. Смахнув крючок, один из незваных гостей толкнул калитку, и, о чем-то перешептываясь со спутником, направился к дому. Они не спешили, на ходу натягивали шапки-маски и доставали из-за пояса «стечкины». Хозяин жил один и без собаки, и, видимо, гости об этом знали.

Водка была уже ополовинена, на столе разбросаны куски талого сала, зелень с размазанной на листьях огородной грязью и гроздь бледных помидоров. Дополнял натюрморт небритый мужик с разухабистой рыжевато-физиономией, вполголоса ругающий телевизор. Ствол, приставленный к голове, застал его врасплох, но без страха, слез и обморока. Матерно приветствовавшего незнакомцев Агафона Семеновича тут же репрессировали двумя ударами в печень, а затем привязали к стулу садовым скотчем.

– Зачем пришли, суки? – пользуясь пока еще незаклеенным ртом, рычал Семеныч. – Денег все равно... – он осекся, хотел сказать «нет», но гордо выдавил «не дам».

– Слышь, дед, пытать мы тебя сейчас будем. – Налетчик говорил с явно деланным кавказским акцентом, дыша перегаром в ухо Семенычу.

– Внучок хренов, ты, когда отдупишься, поздно уже будет! Ты на кого наехал! Я ж тебя с говном схавая, кадык откушу, ноги вырву!

– Красноперова знаешь? – «Маска» привела Семеныча в чувство то ли пощечиной, то ли вопросом.

– Нет, не знаю такого, – хозяин явно погрузтел.

– Сосед это твой, собака старая! Ну! Знаешь?

В ответ мужик лишь мужественно молчал, героически дергал глазом, наблюдая, как второй налетчик налаживает его старенький утюг.

– Ты партизана здесь не включай. Живым все равно не отпустим. Все расскажешь или сдохнешь в муках адских. Кишки свои увидишь и мясо жареное понюхаешь.

– Не знаю я такого, – сменив тактику, захныкал Семеныч. – Ребятки, отпустите меня. Ну, сами подумайте, где я, а где Красноперов. Откуда мне его знать?

– Хнычь не хнычь, – ласково заржал боевик, – а сдавай соседа по- быстрому и закончим твои страдания. Когда он домой приезжает?

– Не знаю, – ныл хозяин. – Хошь пытай, все равно не знаю.

– Джабраил, ставь утюг. Будем деда жарить! – крикнул злодей товарищу, который послушно воткнул вилку в розетку.

Но в ту же секунду окна брызнули стеклами, полетела входная дверь и в комнату, кто в окно, кто в дверной проем, один за другим вкатились перекатом пятеро бойцов. Отшвырнув в сторону хозяина, они принялись за гостей, уложив на пол и заковав в наручники.

– Витя... Виктор Георгиевич, родненький, – счастливо освобожденный дед рыдал в полевой генеральский погон. – Эти суки ведь по твою душу пытали, но я им ничего...

– Чуть не опоздали. – Красноперов плюнул на зашипевший утюг.

– Георгич, дай я их кончу! – заорал хозяин в ответ.

– Кровожадный ты мужик, но справедливый! Как хочешь, право твоё. – Красноперов передернул «калаш» и вручил его Семенычу.

И тот с яростным рыком разрядил обойму в скованных гостей. Парни подергались в предсмертных конвульсиях под рассыпной звон гильз и застыли.

– Уходим, – приказал Красноперов и направился к сломанной двери.

– А чего с мертвяками-то делать? – замычал вдогонку Семеныч.

– Что хочешь, то и делай. Хочешь – чучело, хочешь – в огороде закопай. Помогли бы тебе, да некогда. Сам справишься.

– Вон они какие кабаны отожратые. Я их из дома-то не вытащу, – обескураженно залепетал дед.

– На куски поруби. Делов-то!

Семеныч, тяжело вздохнув и перекрестившись трясущейся рукой, покорно достал топор и направился к казненным.

Смех сотряс разгромленное жилище. Громче всех веселились ожившие трупы, стягивавшие с себя наручники и маски.

– Ну и мудак ты, – злобно выдавил Семеныч в сторону Красноперова.

– Кто?! – генерал оборвал смех.

– Вот этот, – быстро сориентировался дед, ткнув топором на им же «убиенного», которым оказался Миша Блудов. – Утюг, падла, хотел на меня ставить. – Он поник окончательно, тут же одним махом через горлышко допив бутылку.

– Это тебе за беспокойство и на ремонт, – Красноперов по-барски швырнул на стол несколько купюр, явно раздосадованный оскорблением, услышанным бойцами.

Он посмотрел на ребят – та же братва, только в званиях и на службе. Сколько с ними пройдено. Каждый предан, каждый обязан. Кто награжден, кто ранен, но почему-то ни в ком из них он не был так уверен, как в этом старом алкаше-соседе, презиравшем власть и его, Красноперова, вместе с ней, но так и не сумевшем переступить через предательство.

Глава 5. Бойтесь своих желаний

– Кремневый дед-то оказался! – подытожил Мозгалеvский, играя со «стечкиным». – Просто Ковпак какой-то. Расстрелял нас и глазом не дернул.

– Откуда они берутся, такие порядочные? И, главное, чужие. Я своих сколько ни кормлю и ни грею, а сдадут с потрохами первому же следователю, – Миша хлебнул холодной водки, закинув следом кусок буженины.

– Им просто другими быть запахло. Они одинаковые. Одинаково порядочные, одинаково искренние, одинаково злые. Они даже врагов и жен бьют одинаково. – Красноперов отнял у Владимира пистолет и спрятал его в поясничную кобуру. – Вот Семеныч меня не сдал – порядочный. Но если в России снова начнется семнадцатый, он же меня первый и пристрелит, как тебя с Вовкой. И тоже во имя справедливости. Он ненавидит всех нас за всю эту сладость и чрезмерность.

– Да ладно, Георгич, не преувеличивай. Назвал тебя мудаком и испугался больше, чем нас вместе с утюгом.

– Не меня он испугался, а своего бессилия передо мною. К чему героизм, когда нет ни единого шанса? А был бы у него хоть один боевой патрон, и разговор бы другой получился. Думаю, под мою дачу у него канистра с солярой уже припасена.

– Зубастые у тебя крепостные, ваше благородие, – выдал Блудов, налегая на бараньи ребра, и мечтательно продолжил: – Жарко здесь и скучно! Во Франции сейчас хорошо.

Они сидели на широкой террасе, с которой открывались безудержные русские просторы, прошитые стремительной нитью Волги. Крышу подпирали резные столбы в виде языческих идолов. Под самой кровлей висел лик Спасителя.

Бесконечно менялись блюда и открывались бутылки. Люди подъезжали и уезжали – поздороваться, выпить за хозяина, напомнив о себе. Красноперов был радушен, но дистанцирован. Всех угощал, но не со всеми пил, искренне радуясь только Мозгалеvскому и Блудову.

– А вот и наша Виктория! – Мозгалеvский встал, первым заметив поднимающуюся на террасу даму.

– Классные у вас страусы, Виктор Георгиевич, – вежливо улыбнулась девушка, подсевшая к генералу.

– А мы сейчас, Викуся, скажем, чтобы страусиную яичницу сделали. Мясо у них собачье, а вот яйца мне нравятся.

– Спасибо, не надо. Я уже сыта. Пожалуй, разве только чуть-чуть вина.

И тут же, словно джин, за ее спиной возник официант с бутылкой холодного «Просекко».

– Мне через месяц тигрят уссурийских должны привезти. Я уже огородил под них гектар леса. Приезжай с кисками поиграть, пока они еще маленькие.

– Не многовато – гектар? – удивилась девушка.

– Маловато. На воле тигр нарезает себе землицы до 800 квадратных километров, метит ее как собственную и хозяйничает на ней. Поэтому мой гектар им будет как угол в клетке. Хотя все упирается в привычку, как всегда.

– Георгич, давай вернемся к экспериментам со снами, – хрустнул пальцами Блудов. – Я тут и так и сяк подумал, а действительно, почему бы не попробовать.

– Всяко интереснее, чем рыбалка и... – Мозгалеvский взглянул на девушку. – Чем мужиков стращать автоматами. Да и возлияния все эти надоели. Георгич, ты бы рассказал нам детали, а так только воду намутил.

– Да, в принципе, все просто. Делают нам всем по уколу в голову, и мы идем смотреть сны о судьбах канувших в лету выдающихся товарищей. Причем, чтобы не было скучно, можно не разбивать наш коллектив даже во сне.

– Это как?

– Сны можно совместить. Как я уже рассказывал, ДНК содержит атомарную нить, которая является генетическим датчиком времени. На всей своей протяженности нить уникальна, она не повторяется, но постоянна для всех.

Наши специалисты научились сопоставлять разные судьбы по временной нити, как отпечатки пальцев. Как бы вам объяснить, – генерал прервался, подумал. – Вот представьте, что есть, скажем, Ваня и Петя, которые жили приблизительно в одно время, поэтому у них приблизительно одинаковые временные нити. Так вот, можно сопоставить их общий промежуток жизни по абсолютному совпадению этих нитей. Затем найти любой понравившийся вам идентичный заусенец и с этого момента параллельно запустить два сна из жизни Вани и Пети.

– А девочек берете с собой? – прошептала Виктория, прильнув к генералу.

– Не боишься, милая? – Красноперов нежно приобнял подругу.

– Если с тобой, то нет, – девушка обольстительным шепотом скользнула по щеке своего кавалера.

– Тогда нам остается лишь выбрать доноров памяти, внести наличные, сдать анализы и через пару недель дружно явиться на операцию.

– Операцию? – скривился Владимир.

– Скорее процедуру, ничего сложного и рискованного. Займет не больше получаса.

– И где проводят нынче подобные опыты? – с наигранной бравадой в голосе спросил Блюдов.

– Сами увидите, а пока это государственная тайна.

Глава 6. Пучины покрыли их, и они пошли в глубину, как камень

Оставив машины на спецстоянке Васильевского спуска, друзья в сопровождении Вики подошли к Спасской башне, где их уже дожидались трое в штатском, отличавшиеся от снующих прохожих беззаботными и даже отстраненными лицами. Они уважительно поздоровались с Красноперовым и дежурно с его

спутниками, пригласив следовать за собой.

За Мавзолеем из кремлевской стены скромно выглядывала дверь, через которую живые вожди проходили к усыпальнице. Последние архитектурные новшества Мавзолей обрел при Брежневе. Когда Леонид Ильич уже не мог бодро покорять гранитную трибуну, к заднему торцу коммунистического святилища приделали мраморную пристройку под эскалатор для немощного вождя. А чуть дальше друзья увидели скрытый от глаз посетителей Красной площади бетонный бункер. Спустившись по узкой лестнице, они оказались в коридоре, залитом ярким искусственным светом. Справа и слева располагались закрытые кабинеты с номерами и без табличек.

– Александр, – подозвал Красноперов одного из сопровождающих.

– Слушаю. – Офицер слегка прогнулся, похоже, стеснялся своего роста перед генералом.

– Давай ребятам сначала хозяина покажем.

– А ВВ тоже здесь? – ляпнул Миша, улыбнувшись глупой остроте.

– Нет пока, Мишаня, – усмехнулся Красноперов. – Здесь еще Владимир Ильич хозяйничает.

– Ух ты! Я последний раз Ленина видел, когда нас в пионеры принимали. Прогнали толпой мимо гроба, я и разглядеть-то его толком не успел.

– Сейчас разглядите, – пообещал Александр Геннадьевич, оказавшийся заместителем коменданта Кремля. – Обычные посетители, которые заходят с парадного входа, по правилам не могут находиться в ритуальном помещении № 1 больше двух минут. Хотя и в течение этого времени Ленина видели немногие. Как правило, проходят быстрее.

За разговором друзья миновали строгий коридор, коврами дорожками и дверями напоминавший советский номенклатурный санаторий. Александр Геннадьевич завернул в закоулок, где, услышав приближавшиеся шаги начальства, уже выстроились в «смирно» семь офицеров ФСО – дежурная смена

Мавзолея. Затем короткий переход и свет остались за спиной, а перед спутниками открылась лестница черного мрамора, слегка озаряемая глухими красными отблесками, размазанными по ступенькам. Резко похолодало и посвежело. Вверх, потом вниз, затем направо, и друзья оказались в квадратном зале, в центре которого на постаменте возвышался саркофаг. Белый свет мерцал лишь под сводами Мавзолея, зал же был погружен в рубиновое марево. Мозгалеvский подошел к Ильичу, бесцеремонно рассматривая тело.

– Он и вправду как живой! – Вместо смешка Михаил смог родить лишь утробный скрип.

Вождь действительно поражал своей сохранностью. Кожа, не желтая, как у мертвецов, а бледно розовая, была покрыта мелкими оспинами. Жиденькая рыжая бороденка отливала живой краской и шелком, словно чем-то регулярно пропитываемая. Акульим плавником выступал нос с хищной горбинкой.

– Ильич-то, в натуре, здоровее выглядит того клоуна, который его на Красной площади кривляет, да и костюмчик посвежее.

– Это потому что костюмчик он меняет чаще, чем его живая дешевая копия, – вмешался Александр Геннадьевич.

– В смысле? – кашлянул Блуdiv.

– Как же вам объяснить? – чекист потер затылок вновь просевшей в почтительном поклоне головы. – Костюмы изнашиваются, обувь стаптывается.

– Как у святителя Спиридона Тримифунтского на Корфу? – суеверно перекрестился Блуdiv.

– А еще ему подстригают волосы и ногти. Это абсолютно живой материал.

– А если он такой живой, то почему не ходит? – с любопытством озирался Мозгалеvский.

– Может, потому, что у него вырезали мозг, – без доли иронии парировал Александр Геннадьевич.

– Да, да. Я что-то об этом слышал, – Мозгалеvский перешел на полупшепот. – Целый институт мозга создали.

– Совершенно верно. Мозг Ильича в мелко порубленном состоянии пребывает и ныне в том самом институте, для этой цели и созданном.

– А в порубленном-то зачем?

– Якобы для исследований. Но по мне так чертовщина какая-то, – поморщился Александр Геннадьевич, на что Красноперов подмигнул друзьям, выражая гораздо большую осведомленность, чем заместитель коменданта Кремля.

– Вот вы смеетесь, Виктор Георгиевич, – насупился чекист. – А здесь и правда капище. Проклятое место.

– Зиккурат, б... – хмыкнул Миша.

– Подобные ритуальные пирамиды строились еще в Древнем Вавилоне, – решил блеснуть своими познаниями перед генералом Александр Геннадьевич. – Ритуальные строения, как и то, где мы находимся, были асимметричны, в них не было одного угла, точнее он был перевернут вовнутрь. Бальзамированное тело являлось энергетическим генератором, в который именно через вогнутый угол поглощалась сила толпы и доставлялась жрецам. Можно в это не верить, списывать на совпадения, как можно считать делом случая и кровавые жертвы, которые приносили к ногам полумертвого Ильича.

– Жертвы? – изумленно пискнула помалкивавшая до сих пор Вика.

– Да, – кивнул офицер. – Известный факт – теракт в Мавзолее 1973 года, когда посетитель подорвал на себе самодельную бомбу. Погибла супружеская пара и тяжело ранило четверых детей. От террориста нашли только руки. Однако мало кто знает, что почти десять лет спустя, в 1982 году очередной смертник в Мавзолее соединил на себе провода. Погибло двадцать человек, сакральные стены были обметаны человеческим фаршем. Вот, смотрите, – Александр Геннадьевич ткнул в небольшие выбоины в мраморной стене. – Это все последствия теракта восемьдесят второго. Самое потрясающее, что хозяину хоть бы хны, ни одной царапины на саркофаге! Ведь что интересно, каждый раз за неделю до теракта в саркофаге ставили более прочные бронестекла.

– А вот об этом я никогда не слышал. – Красноперов не скрывал своего недовольствия.

– Виктор Георгиевич, у вас свои секреты, у нас свои. Если на меня сошлетесь, вернусь без пенсии к себе на родину. Впрочем, всяко лучше, чем эту спящую красавицу охранять. Буду на Волге рыбу ловить.

– Или ее кормить, – Красноперов без иронии заглянул в глаза чекисту.

– Или так, товарищ генерал, – погребально улыбнулся Александр Геннадьевич.

– А что, если здесь молебен провести, изгнать дьявола. Он в труху и превратится! – инквизиторски твердо изрек Блудов.

– В 2014 году отец Сергей, настоятель с Ганиной ямы, один из шести русских экзорцистов...

– А кто это? – осторожно поинтересовалась Вика.

– Кто бесов изгоняет, – нетерпеливо бросил Блудов, раздраженный, что девушка перебила офицера.

– Так вот. Он, еще три монаха и монахиня провели здесь молебен. Читали заклиательную молитву над Ильичом. Возле саркофага даже сотрудникам ФСО больше получаса находиться нельзя. Наши таксидермисты тут же начинают строчить жалобы. А тут, представляете, два часа святой молитвы! Под конец даже волчий вой слышали, а как вышли, отец Сергей и говорит, мол, назовите имена близких, запишу и молиться за них буду. Так вон Игорь, – чекист кивнул в сторону молодого коллеги, – забыл, как мать родную зовут.

– Да вот уж, – повинился Игорь. – Я-то ее всю жизнь – мама-мама, ну и выскочило имя.

– То-то ты бухал потом с неделю, никак в себя не мог прийти, – прошипел Александр Геннадьевич. – А хозяину хоть бы хны! И глазом не повел. Лежит себе, как живехонький. Здесь, похоже, без кола осинового не обойтись. Виктор Георгиевич, вы ж тогда с нами были.

– Много болтаешь, Саша! – Красноперов рыкнул. – Пошли. Нет у нас времени на твои воспоминания.

Александр Геннадьевич виновато замолчал, подошел к стене и оттолкнул от себя мраморную плиту, ту самую, поврежденную взрывом. Образовался узкий проход, куда проследовала компания, оставив фэсэошное сопровождение в траурном зале.

Красноперов двигался по-хозяйски уверенно, посмеиваясь над мистическим восторгом спутников. Через десять шагов закончились гранитные покои Ильича, и начался коридор, уже не походивший на профилакторий, скорее на больничку. Кабинеты с безликими дверьми закрыты. Пусто и тихо, если не считать технического гула, похожего на работу вентиляции. Однако обилие видеокамер не давало посетителям и малейшей надежды остаться незамеченными.

Коридор перегораживала решетка. Красноперов приложил магнитную карточку. Визгнул зеленый огонек, калитка открылась, и друзья двинулись дальше. Завернув за угол, они уперлись в мощную дверь черного металла, возле которой за секретарской стойкой сидел крепкий молодой человек в черной униформе без опознавательных шевронов. В отличие от офицеров комендатуры он не стал козырять Красноперову, лишь попросил гостей приложить большой палец правой руки к матовой кнопке, соединенной проводом с компьютером. Генерал не стал исключением. Друзья по очереди откатали пальчики, на экране повыскакивали их портреты без каких-либо дополнительных описаний, кроме статуса «доступ № 4». Сотрудник неведомых структур открыл дверь, пропустив гостей в просторный зал, похожий на больничный приемный покой, где словно из-под земли перед ними явился перекошенный годами и недугами субъект.

Глава 7. Искусство вежливого обхождения с чертями

«Чистый Мефистофель, – вздрогнул Блудов. – Не к лицу ему белый халат».

– Здравствуйте, мил-сердечный Виктор Георгиевич. Наконец-то и вы к нам пожаловали. Очень рад. Очень! И друзья с вами. Ох, какая красота! – Странный доктор тут же переключился с генерала на девушку, продолжая тарыхтеть, уже

обращаясь к Вике. – Я всегда говорил, что настоящая красота – всегда смелая красота. Как же эти хитрецы мужчины уговорили вас последовать за ними?

– Совершенно случайно, – девушка поджала губки.

– Случай, милейшая сударыня, одно из имен Бога, – доктор повернулся к Красноперову. – У нас все готово. Но сначала пройдемте ко мне.

– Лекцию слушать, профессор? – Недовольство генерала не осталось незамеченным собеседником. – Да, хочу лично представить моих товарищей, которых заочно вы уже знаете, наверное, лучше меня – на Викторию вы уже обратили внимание, а это Владимир Романович и Михаил Арленович. Перед вами же, господа, светило советской алхимии и каббалы – Лев Моисеевич Ва... – Красноперов осекся под строгим взглядом доктора. – Хорошо, хорошо, обойдемся без титулов и фамилий. Просто – гений, чудотворец. Надеюсь, Лев Моисеевич, на этот раз государственной тайны я не нарушил.

Лев Моисеевич снисходительно кивнул, открыл ближайшую дверь и пропустил гостей в тесный, выполненный в светлых тонах кабинет с уютным приглушенным светом. Из мебели лишь стол, диван и два кресла, обтянутые кремовой кожей.

– Присаживайтесь, господа. Располагайтесь.

– Чем бы утешиться? Коньяка нет, профессор? – непринужденным хамством Красноперов пытался ответить на жесткий взгляд доктора.

– А вам, господин генерал, как я понимаю, что водку пить, что на пулемет бросаться, лишь бы с ног сшибало? – парировал Лев Моисеевич.

– Не пьянки ради, а чтобы не отвыкнуть. – На помощь другу-генералу пришел Мозгалеvский, уловив в диалоге нервную закипь.

– Увы, специфика нашей, так сказать, процедуры требует абсолютно ясного сознания. Разрешите предложить вам липовый мед под ромашковый чай?

И уже через минуту миловидная секретарша в белом халате внесла поднос с чашками.

– Итак, – командно начал Лев Моисеевич, – мы получили результаты ваших тестов и анализов. Психофизическое состояние в норме. Все формальные вопросы улажены. Препараты готовы. Можно приступать. Но для начала я хочу посвятить вас в тонкости этого удивительного процесса, который в среде нашей богемной клиентуры получил название «дримтриппинг». Отцом-основателем проекта по праву считается Лев Борисович Збарский, человек судьбы удивительной. Уверен, что опыты по дримтриппингу он ставил на себе, получив результаты, опережающие наши разработки. После смерти Хозяина, – Лев Моисеевич почтительно склонил голову, – нам, точнее нашим коллегам, удалось получить его мозг для исследования в рамках отдельного института. Уже в двадцатых годах прошлого столетия была создана уникальная лаборатория, должна разрешить задачи, которые официальная наука отрицает, а церковь считает колдовством и сатанизмом.

– Чего один только ваш Ильич стоит, – проскрипел богобоязненный Блудов.

– Видите ли, Михаил Арленович, всякий прогресс, в том числе и научный, дело рук самоубийц. Почти каждое революционное открытие стоит жизни. Ученых от рук инквизиции погибло больше, чем цыган от рук нацистов. Даже вполне уже цивилизованная Российская империя в 1881 году отправила на эшафот гениального Кибальчича, придумавшего ракету, на которой Советский Союз взлетел в космос, покорив весь мир. Владимир Ильич до сих пор стоит на страже всей государственной, как изволил выразиться господин генерал, каббалистики. Это столп, священный громоотвод пещерной ненависти общества и церкви к истинной науке, которая творит совершенное завтра несовершенного мира.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Блудов, взвешивая риски таинственных обрядов с собственным мозгом.

– Все смирились, что в центре Святой Руси, – Лев Моисеевич победоносно оскалился, – стоит зиккурат, в котором лежит полумертвый тиран, эту самую Святую Русь уничтоживший. Но кроме православных маргиналов, всем глубоко наплевать, что государство уже почти сто лет тратит огромные бюджеты на эксперименты с человеческим биоматериалом, на синтез психоактивных веществ, на промывание мозгов, на опыты с мертвыми и изучение магических свойств крови.

– А, так вы еще и вампиризмом занимаетесь? – хохотнул Красноперов. – Хороший бизнес, Лев Моисеевич. Берете бабки страшные, потом кошмарите до икоты. Посмотрите на них, они же сейчас сбегут отсюда.

– Вампиризм, как секрет неувядаемой молодости, научно обоснован еще в двадцатые годы нашим коллегой Паулем Каммерером, который стоял у основ советского научного мистицизма, – ничуть не задетый иронией генерала продолжал профессор.

– И что, реально омолаживает? – оживилась Вика.

– Смотрите. – Лев Моисеевич подошел к книжному шкафу, достал небольшую брошюру, изрядно пожелтевшую от почтенного возраста, и протянул гостю.

– Пауль Каммерер. «Смерть и бессмертие». Государственное издательство, 1925 год, – вслух прочитала Виктория.

– В этой работе столетней давности автор тогда уже доказал экспериментально, что даже мертвая клетка, погруженная в плазму крови, оживает и обновляется – Профессор бесцеремонно забрал у девушки брошюру и вернул ее на полку.

– А кто такой этот ваш Крамер или как его там? Он как-то был связан с Аненербе? – любопытствовал Мозгалецкий.

– Нацистский проект Аненербе – это лишь жалкая пародия на то, что было достигнуто жрецами нашего храма – Мавзолея, еще до зарождения Третьего рейха. – Лев Моисеевич воздел руки к галогеновому потолку. – Госпожа Блаватская, которую эсэсовцы возвели в культ Богородицы, служила агентом ОГПУ, как и Рерих, кстати, со своими учениками. Все их учения и откровения нагоняли лишь тумана для европейских мистиков и наших дурачков из недобитой интеллигенции, которые жаждали новых религий, новых культов, новых мессий и тайных знаний. На эти тибетские ириски купился даже Адольф Алоизович, а в качестве трофеев их до сих пор дожевывает Америка. Вот, вы думаете, зачем нынешнему государству коммунистическая партия, на которую современная Россия тратит миллиарды из своего бюджета? Защита пенсионеров, советского нафталина и розового патриотизма? Э, нет! Чтобы оберегать Мавзолей! Ленину надлежит лежать здесь, пока последний его жрец

не будет истреблен.

– Давайте уж ближе к делу, Лев Моисеевич, – поторопил профессора Красноперов.

– Господа! – Кремлевский Мефистофель из бесноватого колдуна преобразился в элегантного менеджера. – И конечно же, дамы! Вам представляется уникальная возможность стать участниками величайшего эксперимента, который ниспровергает существующие представления о реальности. Поколения советских ученых разрабатывали физику сознания, благодаря им мы можем исследовать другие уровни человеческого существования. Открытие «нити времени» ДНК позволило объединить усилия нескольких секретных лабораторий и добиться фантастических результатов. Используя информационный архив, который содержится в тканях или даже в прахе умершего человека, мы научились воссоздавать его голографическую модель в сознании живого человека, находящегося в состоянии сна. Иными словами, пока вы спите, вы можете полноценно жить чужой жизнью.

– И насколько это безопасно? – не удержался Мозгалеvский.

– Абсолютно безопасно, – ласково изрек Лев Моисеевич, – если соблюдать все правила, о которых я вам расскажу.

Глава 8. Что нужно нам, того не знаем мы

– Правило первое – сон должен быть дозирован и регулярен. Каждый день вы обязаны засыпать не позже часу ночи, а просыпаться не позже девяти. Здесь следует пояснить, для чего вообще нам нужен сон. Во время бодрствования в организме человека вырабатывается так называемый «сонный яд», более точное его название – яд мышечной усталости. Во время сна организм очищается от этого яда. Без еды мы можем прожить месяц, без сна вряд ли протянем и неделю. Открою вам государственную тайну: в СССР часть приговоренных к смерти поступала в наше распоряжение. Не надо кривить губки, дорогая Виктория, – Лев Моисеевич ностальгически вздохнул. – Это было отребье – маньяки, насильники, изменники Родины. Без них наша наука завязла бы в бумажной пыли никому не нужных диссертаций. Подопытных помещали в

«стаканы» – специальные боксы, в которых человек мог только стоять, яркий свет, музыка и металлические стены под напряжением не давали шанса даже на полудрему. На пятый-седьмой день бессонницы в объятиях металлической могилы они теряли сознание. Чаще всего подопытные умирали не приходя в себя, хотя мы старались этого не допускать.

– Неужели вы их спасали? – с наивной робкой надеждой спросила Вика.

– Нет, – улыбнулся Лев Моисеевич. – Скорее наоборот. Естественная смерть убивала смысл эксперимента. Обычно, когда подопытный доходил до полуобморочного состояния или терял сознание, мы извлекали его из плена, приводили в чувство и только потом умерщвляли. Затем исследовали его мозг. Как правило, нервные клетки в лобных долях пребывали в ужасном состоянии. Форма их ядер изменена, мембраны словно изъедены лейкоцитами. Но что примечательно, если подопытным перед смертью давали поспать, то никаких изменений в клетках не находили. Поэтому вам нужен здоровый и глубокий сон. Отсюда правило номер два – исключить любые наркотики и крепкий алкоголь.

– Совсем не бухать? – скривился Блудов.

– Выпивать, конечно, можно, но не напиваться. Все ваши действия в реальности должны быть предельно контролируемы и осознаны. А человек с мерой не дружит.

– Если у тебя есть мера – у тебя есть все, – профилософствовал Красноперов.

– Как говорил Чехов, – Мозгалеvский закинул глаза в потолок, – если человек не пьет и не курит, поневоле задумаешься, а не сволочь ли он.

– Есть еще нюанс, – продолжил профессор. – Препарат, который вы получите, содержит безопасный для организма психоделик. Однако более сильный наркотик или алкогольное опьянение способны подавить как его действие, так и «яд мышечной усталости», что спровоцирует бессонницу. В этом случае голографическая модель может разрушиться или возникнет альтернативное астральное состояние. Но мы всегда будем рядом, без помощи вас не оставим. Вам наденут на руку браслет-мониторинг, который будет контролировать работу мозга. При малейших отклонениях браслет автоматически пошлет сигнал на наш компьютер. Оперативные центры лаборатории находятся в каждом

федеральном округе России и практически при каждом российском посольстве во всем мире.

– Нехило развернулись. Может, вы и мозг по гарантии меняете? – присвистнул Блудов.

– Увы, современная медицина может воссоздать любой человеческий орган, кроме головного мозга. Итак, правило третье: беречь свое здоровье, особенно голову, ведь после повреждения теменной доли мозга, как это случается при инсульте, человек перестает видеть сны.

– Иными словами, лоботомию вы нам не рекомендуете? – резюмировал Блудов.

– Отчего же, – ехидно улыбнулся Лев Моисеевич. – Известный американский хирург Уолтер Фриман утверждал, что применение лоботомии способствует превращению социальных уродов, шизофреников, гомосексуалистов в добропорядочных граждан. – И не дожидаясь возмущения припотевшего от иезуитского оскорбления Блудова, ученый продолжил: – Но вернемся к нашей теме. Я должен объяснить механизм сновидений и сопутствующую физиологию. Как только мы засыпаем, наша вегетативная система тут же перестраивается. Дыхание делается более редким, выдох становится пассивным и долгим, громким, но менее глубоким, чем во время бодрствования. Наш американский коллега Натан Клейтман, кстати родом из Кишинева, официально считается отцом исследования сна. Так вот, опыты он предпочитал ставить на себе. Под действием амфетаминов ему удалось не сомкнуть глаз 180 часов кряду – семь с половиной суток. Что любопытно, по мере продолжения опыта при внешнем проявлении бодрствования электроэнцефалограмма показывала ритмы глубокого сна. Грань между бодрствованием и сном исчезала, хотя он не чувствовал, что засыпает. Мышцы были ослаблены настолько, что он не мог держать карандаш. Психика пришла к окончательному упадку, организм начал вырабатывать так называемые индолы, по составу близкие к серотонину и ЛСД. Но состояние пришло в норму после первого сна, который длился не более шестнадцати часов. Обычно на третий день бессонницы ощущается резкий упадок сил. Человек начинает спотыкаться о несуществующие предметы, вместо связной речи способен лишь бормотать, повторяясь и делая ошибки, не будучи в состоянии оценить свое поведение. Ему уже не под силу задачи, требующие внимания, он становится все более и более неуравновешенным, суевливым и раздражительным. Ему кажется, что земля ходит ходуном, глаза покрываются пылью. Через девяносто часов бессонницы начинаются галлюцинации. Еще

через сто часов он впадает в глубокую депрессию и в отречение от собственной личности. Во время сна прекращается только сознание человека, остальные жизненно важные функции сохраняются. Кстати, у впадающих в спячку млекопитающих температура тела снижается до нуля, а у некоторых животных до пяти градусов мороза. Зверушки во время сна всего лишь на какие-то доли градуса теплее окружающего воздуха. При этом газовый обмен у них снижается в десять раз, а дыхание в сорок раз. Например, еж делает один вдох в минуту.

– Нам это не грозит. Во-первых, мы не ежики, а во-вторых, в холодильник нам еще рано, – рассмеялся Блудов.

Лев Моисеевич, сообразив, что явно затянул с теорией, перешел к более насущным вопросам.

– Как вам должно быть известно, наш сон состоит из двух состояний: быстрый и медленный. Быстрый сон еще называют третьей формой жизни. Разбудить человека во время этого состояния непросто, однако при этом энцефалограмма показывает почти бодрствование. Быстрым сон назвали от движения глаз, зорко наблюдающих за происходящим во сне под закрытыми веками. Все, что видите во сне, вы отслеживаете при помощи глаз.

– Хорошо, но если разбегаются глаза, почему не машут руки и не ходят ноги по третьему измерению сознания? – Мозгалеvский с любопытством наблюдал за профессором.

– Дабы обезопасить человека от сонных походов, мозг парализует остальные мышцы.

– А как быть с лунатиками? – блеснула улыбкой Вика.

– Лунатики – люди с поражением мозга, у которых эта система не работает. Так вот, – профессор откашлялся. – В среднем движения глаз проявляются у человека четыре-шесть раз за ночь. При этом длительность фазы быстрого сна к утру возрастает до получаса. Именно на это время приходится основная нагрузка дримтриппинга, как мы называем наше потустороннее путешествие. События, которые мы видим во сне, сжаты во времени. То, что должно происходить наяву часов за десять, вы можете увидеть во сне за десять минут. Это сложно осознать, поскольку человеку кажется, что сон он проживал в

течение целой ночи, но на самом деле сон длился всего лишь минуты. Таков и способ сверхкомпактного хранения информации в нашем сознании. Этот феномен ярко выражен при воспоминаниях. Например, два часа смотрели фильм, но, чтобы в памяти воссоздать отдельные фрагменты, вам потребуются какие-то секунды. Второй любопытный факт – мы не удивляемся во сне, даже если начинаем летать, изрыгать пламя, видеть чудеса и небылицы. При этом, когда мы просыпаемся, в течение первых минут бодрствования самый невероятный приснившийся нам абсурд кажется абсолютно реальным и осязаемым. Некоторые умники с учеными степенями утверждают, что мы не удивляемся во сне, потому что все это – наши собственные мысли, мечты и фантазии. Я же считаю, что это связано только с тем, что во сне наше сознание свободно от предубеждений, вбитых нам в голову.

– Как это? – удивился Блудов.

– Например, вы летали во сне и ничего странного в этом не заметили. В первые мгновения после пробуждения вы также не видите в своих полетах ничего удивительного. О чем это говорит?

– О том, что мы окончательно не проснулись, – отозвалась Вика.

– Это говорит о том, что мы можем летать, перемещаться во времени, видеть мертвых или тех, о ком принято так считать, можем не умирать от смертельных ран и исцеляться от всех болезней. Однако наши сверхспособности, гениальность и бессмертие тут же заковываются сознанием в оковы разумных условностей – законов физики, природы и морали. Мы сами придумываем себе тюрьму, из которой вырваться удастся единицам. Наша воля и могущество – заложники человеческих знаний. Скажу вам, как убежденный атеист, – профессор выпрямился и словно забронзовел: – Человек отличается от животного возможностью стать богом, но многие ли из нас задумываются об этом? В мире нет истины кроме силы и нет мира вне нашего сознания. Если в это поверить, то можно, не выходя отсюда, из этого вот бункера, менять реальность по лекалам наших желаний.

– «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "Перейди отсюда туда", и она перейдет», – изрек Блудов, но профессор, пребывая в мистическом запале, уже никого не слышал.

Глава 9. Грядущие на сон

– Почему человек боится яви и не боится снов. Чем наша жизнь реальнее сна? Тем, что наши сны эпизодичны. И все! По сути, во снах мы, следуя от абсурда к абсурду, радуемся с утра, что нам это лишь приснилось, но проявляем удивительную беспечность и бесстрашие перед ночью грядущей, обрекающей нас на очередное астральное испытание... Дорогая Виктория! – вскрикнул Лев Моисеевич. – Не могли бы вы представить, что ваши сны стали бы вдруг реальностью. Вспомните, что вам снилось за последние пару недель и представьте.

– Ммммм.... – насупилась Вика. – В этом случае я бы, наверное, или сошла с ума, или покончила с собой.

– И первое, и второе мимо. Во-первых, наши сны – это тотальное сумасшествие, сходить уже некуда, и тем более с ума. Во-вторых, во снах мы то и дело погибаем, поэтому смерть не станет ни лекарством, ни спасением.

– Тогда это был бы ад! – воскликнула девушка. – А ведь правда жуть.

– Но объясните мне, почему в таком случае вы не боитесь засыпать, устремляясь навстречу этому аду?! Ведь во сне мы не знаем, что это сон. Во сне от присутствия ада нас спасает отсутствие памяти и все тех же рабских условностей – знаний. Но дримтриппинг в корне отличается от банальных сновидений. Во-первых, последовательностью. Из ночи в ночь вы будете осваивать чужую биографию, до мельчайших подробностей сохраняя в памяти увиденное, как будто это реально происходило с вами. Во сне на протяжении всего путешествия вы будете чувствовать и мыслить, как донор памяти. В случае вспышек вашего собственного «я» в виде чувств, мыслей, воспоминаний, необходимо будет немедленно связаться с нами. В-третьих, допускается побочный эффект в виде фантомной боли.

Вика испуганно встrepенулась. Мозгaлевский поморщился.

– Просто если донор памяти страдал болезнью почек, то, проснувшись, вы можете почувствовать боль в пояснице, но, – поспешил успокоить профессор, – ничего страшного в этом нет и на вашем здоровье это не отразится. Фантомные

реакции могут коснуться и вкусовых предпочтений в еде, спиртном, куреве, а также в наркотических и сексуальных пристрастиях. Именно поэтому мы категорически не рекомендуем использовать память бывших наркоманов и тщательно проверяем сексуальную ориентацию как доноров, так и дримтрипперов.

– А я б Высоцким потусовался, – хохотнул Мозгалеvский, дернув носом, – глядишь бы и сам петь начал. Даже интересно, чем ширялись великие поэты великой страны.

– К сожалению, это невозможно, поскольку небезопасно, – отрезал Лев Моисеевич. – Как я уже говорил, любой сильнодействующий препарат может спровоцировать необратимые процессы в сознании.

– Но то ж во сне, профессор.

– Дело в том, что сознание фиксирует эмоции, которые наркоман переживает во время «кайфа», и запоминает тонус головного мозга. Поэтому память донора может полностью подчинить состояние организма вполне здорового и уравновешенного дримтриппера. Пожалуй, на этом я пока прервусь. Теперь вам осталось подписать кое-какие бумажки и проследовать в процедурную.

– Договор будем заключать? – деловито поинтересовался Блудов.

– Вы шутите? Какие здесь могут быть договоры? И, главное, куда вы с ними потом пойдете? В ближайшую психушку? Мол, так и так, в Мавзолее Ленина такого-то числа мне с друзьями за миллион американских долларов сделали лоботомию, чтобы во сне отправиться в прошлый век. Выполненной работой остался недоволен, прошу взыскать с Мавзолея вышеуказанные средства и моральную компенсацию? – Лев Моисеевич обнажил гнилые десна.

– Смешно, – прикусил губу Блудов. – Тогда что мы будем подписывать?

– Обязательство о неразглашении государственной тайны.

– То есть, если я проболтаюсь, меня посадят? – хихикнула девушка.

– Боюсь, драгоценная Виктория, в этом случае сажать будет некого.

– Красноперов нас чайком с полонием отпочует? Да, Вить? – пытался пошутить Мозгалеvский в напряженную пустоту.

– И сушками с цезием, – сухо ответил генерал. – Несете ерунду! Профессор, извините моих друзей. Здесь все понятно. Давайте вашу канцелярию и пройдемте на аппараты.

– Тогда вы уж проясните по поводу операции, – словно оттягивая момент, поднялся Блудов.

– Покорнейше извините. – Лев Моисеевич принял свое обыкновенное сутулое состояние. – Каждая операция продлится не более получаса, проходить она будет под общим наркозом. Насчет лоботомии, как вы понимаете, это была шутка. Вскрытие черепной коробки не понадобится. В ваших головах и без того входных отверстий хватает. Электростимуляция шишковидного тела мозга будет достигаться разрядами в шейный нерв. Иглу мы...

– Иглу? – побледнела Вика.

– Лев Моисеевич, давайте переходить к сути, а то мы так Вику потеряем, – поспешил вмешаться Красноперов.

– Насчет процедурных моментов не беспокойтесь. Обещаю, вы ничего не почувствуете. И так, после процедуры вы можете ощутить подташнивание и головокружение, словно от морской болезни. Это пройдет в течение дня.

– А дальше?

– Мы обработали вашу заявку. Ночью вы будете встречаться во сне друг с другом. Господин Блудов, вашим донором памяти станет Сталин Иосиф Виссарионович, вы насладитесь закатом советского императора. Виктор Георгиевич, вам достанутся маршальские звезды Георгия Константиновича Жукова. Виктория будет сопровождать вас в качестве машинистки Екатерины Андреевны Климовой. Вы же, Владимир Романович, – профессор перевел взгляд на Мозгалеvского, – станете отцом атомного проекта, хозяином ГУЛАГа и

командующим армией чекистов Лаврентием Павловичем Берией.

– Кроме Жукова, все они плохо закончили, – тяжело вздохнул Мозгалеvский.

– Поверьте, вам это не грозит. Во-первых, путешествие прервется раньше смерти Сталина. Во-вторых, если человек во сне переживает смерть донора памяти, он сразу просыпается, дримтриппинг заканчивается, и уже в следующую ночь вы наслаждаетесь привычными снами.

После причащения гостайной Лев Моисеевич развел гостей по отдельным палатам.

Блудов последним зашел в похожий на келью кабинет, где его ожидали двое врачей в медицинских масках, над которыми застыли седые глаза. Обстановка напомнила Михаилу Арленовичу казенную ветлечебницу, куда они с мамой в детстве отвозили усыплять своего больного кота. В архаике советской медицины безнадежно тонул странный электронный агрегат без всякой маркировки, похожий на нечто среднее между оборудованием для УЗИ и бормашиной.

Глава 10. Что не сделает закон, то восполнит пуля

Мавзолей друзья покидали молча. В этом молчании заключалось не предвкушение удовольствия, но страх перед его последствиями. Страх был грядущий и коллективный: от раздражающего нытья в правом подреберье у Блудова до немой паники у Вики. Мозгалеvскому мерещилось нестерпимое жжение в затылке, которое он объяснял началом кровоизлияния в мозг, тщетно пытаясь в этом разувериться.

Красная площадь затягивалась сумерками, и наступавшие потемки почему-то обрадовали наших героев. С глупой неприкаянностью бродили люди туда-сюда, словно куски пенопласта, гоняемые сквозняками кремлевских ворот. Не сговариваясь, друзья перешли к ГУМу, уселись в ресторане, где последний раз в жизни ужинал Борис Немцов со своей спутницей.

– Вить, ну вот скажи по-честному, по-боевому, как будущий маршал будущему генералиссимусу, Борю же вы замочили? – зачем-то отчаянно и резко бросил Михаил, слегка оторопев от собственного тона.

– Мишань, поверь, как маршал генералиссимусу доношу, – с улыбкой принял игру Красноперов, – не мы.

– Хорош заливать! – с неожиданной злобой оборвал его Блудов. – Если не вы, тогда знаете кто.

– Борю царские башибузуки исполнили, а мы лишь за ними присматривали, – невесть с чего вдруг приоткрылся Красноперов. – Концы отсеки и подчистили немножко. Мы же не убийцы и не разбойники. Так мараться никто не станет.

– Даже если Папа прикажет? – бесцеремонно влез в разговор и Мозгалеvский.

– Он никогда не прикажет. Такие приказы отдают псам, а не офицерам.

– Какое формалиновое благородство! – скривился Блудов и переключился на официанта, мигом отозвавшегося на характерный жест. – Пятьдесят «Макаллана».

– Миш, спиртное же нам нельзя, – дотронувшись до руки Блудова, молебно возразила Вика.

– Во-первых, в небольших дозах можно, а во-вторых... тоже можно. Так получается, за Борю сейчас сидят не те? – вернулся к разговору Блудов.

– Почему же? Они самые! – усмехнулся Красноперов.

– Тогда чего же вы их не отмазали? Поматросили и бросили? – не унимался Блудов.

– Существуют две схемы ликвидации в интересах системы. Первая – «запасной сценарий», вторая – «месть фанатика». Главный принцип – убийство должно быть раскрыто, преступник наказан. В противном случае злодеями становятся спецслужбы и президент. Как правило, оно так и происходит. Единственным

исключением стал Шабтай Колманович – хозяин Дорогомиловского рынка и женской сборной по волейболу, – пустился в непривычные для него объяснения Красноперов, с большим любопытством всматриваясь в лицо Блудова.

– Помню, был такой. Агент Моссада, КГБ и прочее, и прочее. Его, если мне не изменяет память, возле Новодевичьего монастыря расстреляли, – живо откликнулся Мозгалеvский, потирая затылок.

– В 2009 году красиво и дерзко исполнили. Ни следов, ни зацепок. А это и есть главный прокол, – назидательно процедил Красноперов.

– Обгладывая трупы, кидаете быдлу кости, – подытожил, тяжело вздохнув, Блудов.

– Это не быдло, это народ. Иметь надо уважение к собственным согражданам, Михаил Арленович, если вы, конечно, позволите продолжать к вам так обращаться. С Шабтаем вопрос решать надо было немедленно, времени на подготовку не оставалось. Собрался дурачок за бугор свалить. А кто ж его с таким моральным грузом отпустит. Ну, с ним и проще. Это не Аня Политковская, о таких, как Колманович, даже наследники не плачут, потеряли глазки, посморкались на могилу и в бой – делить барахло. А особо любопытным подкинули мульку, что-де это месть за покушение на Япончика. Общественность успокоилась. И только после Литвиненко до всех этих все знающих, во всем разбирающихся идиотах дошло наконец, что вместе с убийством надо прорабатывать и мотив, и убийцу.

– Ты говорил что-то про «запасной аэродром», – вкрадчиво, боясь вспугнуть неожиданно разоткровенничавшегося друга, напомнил Мозгалеvский.

– «Запасной сценарий», – автоматически поправил его Красноперов. – Схема «запасного сценария» проста. Кто-то из агентов находит гопников, которые берутся за все, что не весит больше червонца строго режима: грабят, наезжают, выбивают долги. Им предлагают денег ровно столько, чтобы заглушить разум и инстинкт самосохранения, за походить, последить, собрать информацию. Эти блатные лохи «топчутся» за объектом, а поскольку ничего особо криминального в этом нет, то смело отзванивают со своих мобил, торчат на маршрутах и возле дома на собственных тачках. Когда же пацаны засветятся, как радиация, спецы исполняют цель. По горячим следам берут «душегубцев», быстренько их колют,

доказательной базы хоть отбавляй. И, чтобы соскочить с пожизненной прожарки, ребята показывают на выбранного «заказчика». Финита! Убийцы разъезжаются умирать по зонам. Публика удовлетворена. Полковники становятся генералами. Вспомните первого зампреда Центробанка Андрея Козлова, которого якобы заказал банкир Френкель, а исполнили луганские бандиты. Возьмите убийство президента «Алмаз-Антея» Игоря Климова, хозяина фабрики «8 Марта» Михаила Кравченко. Да ту же Политковскую взять... – Красноперов перевел дух, прикидывая, не сказал ли друзьям чего лишнего.

– Ну, Литвиненко, Шабтай Колманович... но остальные – всего лишь комерсы, – тут же, не дав застояться паузе, встрял Мозгалеvский.

– Деньги, Володь, это тоже политика, да еще какая политика! А то ты сам не знаешь? – снисходительно улыбнулся Красноперов.

– Так что все-таки с Немцовым? – недовольно поморщился Блудов, отхлебнув виски.

– Гад и предатель! Пятая колонна! Это нас еще в диктатуре обвиняют. Была бы диктатура, уволокли бы этого пидора на Лубянку, а потом продырявили по приговору народного трибунала. А мы с этими скотами толерантничаем. Вот и приходится звать горных братьев. А у них – не у нас! Наши балбесы могут еще Папу послушаться, а для джигитов слово Рамзана – закон.

– Это ж самоубийство. Их же все равно посадят, – недоуменно возразил Мозгалеvский.

– Самоубийство – не выполнить приказ. А так, возьмите Будаева, полкана. Группа его отработала, вели профессионально, через телефон и наружку. Работали человек десять. А загрузили одного – признали фанатиком-одиночкой, народным мстителем, дали по такому случаю четырнадцать лет. Убийцам Немцова – исполнителю двадцатку, поделщикам чуть больше десятки. Наказание отбывать, как всегда, отправят в Чечню, ну а там – коврая дорожка, деньги и почет.

– И вы с этим миритесь? – Блудов заходил желваками.

– Мы это придумали, Мишань. Рамзан такой же громоотвод, как и эти консервы в мраморе, – генерал махнул в сторону Мавзолея. – И Папа чист и справедлив. И возмездие неотвратимо. Опять-таки и нас по грязным пустякам не дергают. А жмурь? Тебе кого из них жалко?

– А Будаев, он вроде вашей породы?

– Танкист этот, который чеченку сначала трахнул, а потом замочил?! Ты бы еще вертухаев к нам подтянул.

– Так война, – смутился Мозгалеvский.

– Война! Насиловать-то зачем? – хохотнул Красноперов, только сейчас высвобождаясь от гнетущих мыслей.

– А журналистка эта, Политковская? – Вика робко втиснулась в мужской разговор.

– Викуль, плохой человек и продажный журналист. Русских не любила, про нас гадости заказные писала. Короче, агент влияния. Баба, но что с этого толку, если она враг. Была б на такие случаи у нас статья, глядишь, уже бы вышла исправленная и искупившая. Как при Иосифе Виссарионовиче.

– Какая статья? – девушка облизала ложечку с маскарпоновым муссом.

– Пятьдесят восьмая – за контрреволюционную деятельность. И писала бы дальше тетя Аня в стенгазету мордовского лагеря. А так червей кормит. Хотели десталинизации – получите, суки. Но посмотрите, что будет через пару лет. Владимир Владимирович строит великое государство. Сначала Крым, потом Донбасс. Еще недавно стремно русским себя было называть, неpolitкорректно. Могли мы тогда мечтать о русском мире? А сейчас уже пол-Украины у америкосов забрали. Путину нужен плацдарм, откуда начнется наступление Русского мира. Мы и здесь всю пиндосскую мразь зачистим. Всех этих медведевых, чубайсов, кудриных... Я неделю назад заходил в Донецк, со Стрелковым встречался. Говорит, если мне Владимир Владимирович даст приказ, я голыми руками всех перегрызу, за сутки очищу Москву от этого болотного сброда. Сейчас он развернется, оружие ему подвезли, «Буки» отправили, скоро над Киевом «Фантомы» будем сбивать. Мирное небо Донбассу!

Народ туда воевать активно едет. Чеченские джигиты бодро бьются. Слезли с гор и в «степь донецкую парни молодые». Ваххабитам Рамзан амнистию пообещал за Донбасс, вот они и стараются – режут бандеровские головы. Отныне и Аллах за Русский мир.

– Станный он какой-то, – задумчиво вставил Блудов.

– Кто? Рамзан? – удивился генерал.

– Нет, Стрелков. Чудаковатый. Он не бухает?

– Леня нормальный. Бухать вроде не должен. А кто на войне не пьет? Разве только чехи, а те или шмаль, или насвай, – генерал отвел взгляд, словно в чем-то уличенный.

Глава 11. Время мертвых

– Лаврентий Павлович, одиннадцать часов, вы приказывали разбудить. – Крепкий кавказец в форме полковника МГБ осторожно прикоснулся к маршалу.

– Здорово, Семеныч, – сквозь сон прокряхтел Берия.

– Завтракать не желаете? – полковник услужливо склонил голову.

– Вот не пойму, Саркисов, – Берия уселся на кровати, желая выместить раздражение за прерванный сон и за тяжелые ночные бдения у Хозяина. – Ты три года врагов народа расстреливал, откуда в тебе манеры эти халдейские?

– Я не расстреливал, я только доставлял, – упал голосом полковник.

– Думаешь, я не знаю? Со мной не спорь. Был у Ляли?

– Вчера заезжал, передал деньги, продукты. Все как приказывали. Мне звонила Елена из Дома моделей, сказала – есть две новые девочки, которые могут вас

заинтересовать.

– Это потом. У нее вроде в октябре день рождения, не забудь поздравить от меня. Гоглидзе подъехал?

– Так точно. Ожидает в гостиной.

– Пусть там накроют.

Полковник глубоко кивнул и покинул спальню.

Рафаэлю Саркисову пошел сорок четвертый год, работать у Берии он начал семнадцать лет назад личным водителем, быстро продвинулся в начальники личной охраны. Лаврентий Павлович ценил своего охранника не столько за преданность, сколько за собачье чувство хозяйского сапога, атрофированную гордость и умственную ограниченность, не способную уловить тонкой нити интриг, выплетаемых Берией. Но при этом Берия вручил Саркисову мешок со своим грязным бельем, который Рафаэль Семенович чутко копил и оберегал. Полковник отвечал за все внебрачные связи шефа, вел реестр увлечений Лаврентия Павловича, подыскивал новые, опекал, развлекал, организовывал пикники и аборты. И если раньше он возил приговоренных зеэков на расстрел, то теперь советских красавиц в особняк на улицу Качалова.

В просторной гостиной, сдержанно отделанной лепниной и деревом, в ожидании пробуждения маршала уже час скучал генерал-полковник МГБ. Он пил чай и закусывал мандаринами. Серго Гоглидзе уже в тридцать четыре года стал комиссаром государственной безопасности второго ранга. Тогда его партийным шефом был любимец Сталина Нестор Лакоба, возглавивший советскую Абхазию. Но ставку молодой чекист сделал на Лаврентия Павловича, организовав для него отравление Лакобы с последующей расправой над всей родней и соратниками убитого.

Гоглидзе лично разрабатывал спецоперации по устранению врагов атомного маршала, лично с выдумкой и с удовольствием участвовал в пытках. Назначение Гоглидзе заместителем министра государственной безопасности после того, как МГБ возглавил Семен Игнатьев, для Берии в кабинетных баталиях стало реваншем за арест его ставленника Абакумова.

– Рад тебя видеть, дорогой. – Берия крепко обнял Гоглидзе. – Спасибо, что нашел время. Пообедай со мной. В одиночку жрут только звери.

Не дожидаясь согласия генерала, Берия махнул рукой, и словно из-под земли вырос Саркисов с привычно вжатой в плечи головой.

– Семеныч, поторопи с обедом. На двоих пусть накрывают.

Через пятнадцать минут длинный инкрустированный стол был сервирован в лучших традициях партийной трапезы. На первое в фарфоровой супнице подали рассольник с гусиными потрохами. В пище, как и в людях, Берия ценил несочетаемые качества. В суп помимо традиционного рассола и соленых огурцов добавлялось молоко, придававшее блюду легкую пикантность. Тут же на льду маялась икра паюсная, а на блюдцах «Императорского фарфорового завода» жирным перламутром переливались спинки астраханской сельди и нежились куски белужьего бока.

Удалив прислугу, Берия разлил по бокалам вино.

– За здоровье товарища Сталина – Маршал пригубил бокал, генерал суеверно махнул до дна.

– Хорошее вино, – похвалил Гоглидзе.

– Грузинское – самое лучшее. Не то что абхазская дрянь. Станный этот народ – всю жизнь бок о бок с грузинами, а людьми так и не стали. Только хурму друг у друга воровать горазды. И за что этим бездарям Господь дал такой край? Как поживает государственная безопасность, дорогой Серго?

– Враги не дают расслабляться, товарищ Берия.

– Сколько тебя помню, Серго, ты всегда слыл человеком решительным и умным. Я не знаю ни одного твоего врага, который бы тебя пережил. А то ведь были не мальчики, то были вепри.

– То были враги народа, товарищ маршал.

– Это решало особое совещание, которое за тобой не всегда поспевало. Помнишь нашего китайского полпреда Ваню Луганца, которого Лева Влодзимирский с Церетели в спецвагоне молотком забили, а жену его придушили?

– Иногда обстоятельства требовали решительных действий. В интересах партии, – генерал осекся.

– Знаешь, Серго, почему ты еще жив? Почему живы Кобулов, Деканозов, Мешик, Церетели, Влодзимирский, Саркисов? Потому что я берегу тех, кто мне предан. Мы низвергали богов. Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Ягода, Ежов – то не человеки, то титаны, которым рукоплескали миллионы идущих на смерть бараньей тропой. То были не казни врагов народа, мы, как в страстное Средневековье, сжигали их «города» с детьми и челядью, а на пепелищах танцевали лезгинку. Но ни один, кто был рядом со мной, не пострадал. Вам дозволено то, за что без суда и следствия мы ставим к стенке.

– Это продиктовано... – Гоглидзе не успел подыскать подходящего слова.

– Серго, мне не нужна демагогия, мне нужны дела. Что создавалось двадцать лет, вы просрали за один год. И, главное, кому просрали? Выскочкам и брехунам, падающим в обморок при виде крови.

– Лаврентий Павлович, вы только скажите, – с плохо скрываемой обидой встрепенулся Гоглидзе.

– Знаешь, почему спекся Витя Абакумов? – Вопрос скорее прозвучал утверждением, чем был обращен к собеседнику. – А ведь Витя в свои тридцать пять лет уже командовал Смершем. На его счету двести восемьдесят четыре секретных операций, которые он лично разрабатывал. Через три года я его вытащил в министры госбезопасности. Он приблизился к вождю, почувствовал себя Мюратом при Бонапарте. Но в отличие от Наполеона товарищ Сталин не страдает сентиментальностью, ему не нужны ни друзья, ни родичи, а только слепые орудия его воли. Витя же решил, что можно быть угодным всем, забыв, что у пса всегда только один хозяин. Как он, кстати?

– Держат в Лефортово. Бьют сильно, но терпит пока, молчит. Единственное, о чем просит, чтобы жену не мучили с ребенком.

– Они там же?

– Так точно. Когда их взяли, сыну только четыре месяца исполнилось.

– Антонину я помню. Красивая бабенка, папа у нее, если не ошибаюсь, гипнотизер известный. Как его?

– Орнальдо.

– Не очень долго жизнь была красивой. Мне нужны все протоколы допросов по этому делу, и наших, и врачей.

– К этому делу и близко никого не подпускают. Рюмин еженедельно докладывает лично товарищу Сталину. Даже Игнатьев не в курсе. Информацию собираем по крупицам. Врачи потекли, Майрановский потек, но что конкретно подписал, неизвестно. Рюмин их сам пытается, – скороговоркой, торопясь, оправдывался Гоглидзе.

– Серго, мы с тобой дружим почти двадцать лет. Дружья должны понимать друг друга. Ты замминистра государственной безопасности. У тебя свой начальник, – прервал его Берия.

– Вы же знаете, что у меня только один руководитель, – спохватился генерал.

– Я ценю преданность. Но сегодня одной преданности мало. Должна быть воля. Многие решили, что Хозяин спекся. Но проблема не в этом. Проблема в том, что Сталин считает, что так решили все. Мы стоим на пороге новой грандиозной чистки. Члены Президиума ЦК – это завтрашние покойники. Через неделю на съезде он хочет избавиться от Молотова и Микояна. Хозяин полагает, что они наименее одиозны, поэтому могут стать точкой опоры для новой оппозиции, которая будет удобна и нашим, и Западу. Потом он должен будет ослабить Маленкова, не выводя его из игры, чтобы было кому нам противостоять. Затем срежет Хруща. Усилится новыми людьми, сделает ставку на вояк, например, на Конева и Тимошенко, а потом и нас, обескровленных, поволокут на плаху, – Берия вздохнул.

– Я не совсем понимаю... – проямлил Гоглидзе.

– Хозяин стар, но уходить не хочет. Он задумал победить смерть. Мы для него лишь грустное напоминание об уходящей эпохе. Я хорошо помню, как он был одержим идеей вечной молодости. Сначала Каммерер – этот аферист, промышлявший вампиризмом. Потом профессор Богданов, предложивший Сталину омолаживаться переливанием юношеской крови. Вождь даже денег дал ему на целый институт. Этот ученый идиот настолько уверовал в свое открытие, что ставил опыты на себе. В свой пятьдесят шестой день рождения он влил в себя кровь студента, страдающего туберкулезом. Решил, что если организм таким образом столкнется с болезнью, то выработает мощнейший иммунитет. Ну и через месяц отошел в мир иной.

– С туберкулезом шутки плохи, – прокашлял в кулак Гоглидзе.

– Самое смешное, что туберкулез оказался ни при чем. Как впоследствии выяснилось, профессор Богданов умер из-за резус-несовместимости. На тот момент наука знала только о существовании групп крови А и В, остальные открыли только через двенадцать лет. Потом у Сталина появился еще один воскреситель – академик Богомолец, Сан Саныч. Этот хитрый хохол пообещал Иосифу создать эликсир молодости и получил под свои авансы бессчетное финансирование, Сталинскую премию, Героя соцтруда, кресло вице-президента Академии наук и директора Института геронтологии. Наобещал Сталину жизнь вечную, а сам потом возьми и умри в шестьдесят пять лет. Коба тогда мрачно пошутил: «Обещал обмануть смерть, а надул всех нас». Тогда тему засекретили, теперь за успех соревнуется пара НИИ. О результатах Сталину докладывает Ефим Смирнов, но поскольку результатов нет, то Ефима Ивановича в ближайшее время подчистят.

– А при чем здесь зачистка членов ЦК? – решился обнаружить свою недогадливость Гоглидзе.

– Я же говорю, мы напоминаем о старости, среди равных – вторые, рвущиеся в первые. Сталин считает, что между ним и его соратниками должна быть пропасть непреодолимой глубины. А если между диктатором и министром расстояние сократилось до дружеского рукопожатия, то министру пора рубить голову. Что он периодически и проделывает с героями партии. Мы стали дружеской обузой, и настало время поменять нас на трепетную молодость, для которой Иосиф Виссарионович – не состарившийся Коба, а Великий Сталин, непреклонный, неутомимый, не ошибающийся. Косыгин, Громыко, Устинов – вот кого он готовит нам на смену. Хозяин хочет вручить им знамя Советской

державы, а у них дрожат руки. Поэтому ему нужны отморозки типа Рюмина, готовые выполнить последний приказ вождя.

– Мнительность Хозяина слишком опасна, – осторожно подхватил мысль шефа Гоглидзе.

– Как опасна, так и спасительна. Любая угроза – это возможность, а любая возможность – это угроза, – прищурился маршал. – Старческая мнительность слепа и безумна, она обрушивается в первую очередь на самых близких и верных. Мнительность не столь безжалостна к врагам, сколь беспощадна к друзьям. Чего стоит опала Коли Власика, который с двадцать седьмого года возглавлял личную охрану Самого. Даже у меня нет такого преданного человека, каким был для Хозяина Власик.

– Зря вы так, Лаврентий Павлович! – обиделся Гоглидзе.

– Не обижайся, Серго. Преданность Власика, Поскребышева, Рюмина – иррациональна и глупа. Они, словно гимназистки, влюблены в нашего деда. Чем человек глупее, тем вернее. И чем больше таких унижают, тем безумнее и безграничнее становится их верность.

– Бьет – значит любит, – через силу выдавил подобие улыбки Гоглидзе.

– У Поскребышева жена была, смазливая такая, шустрая евреечка. Я в тридцать девятом сначала арестовал ее брата, потом отдал на резолюцию Сталину ордер на арест самой Брониславы Соломоновны. Вызвал тогда вождь своего секретаря и говорит: «Поскольку органы НКВД считают необходимым арест вашей жены, то так и должно быть». Ну, Поскребышев в полуобмороке, еле стоит. Не знает, что и сказать. А Сталин смеется ему в глаза: «В чем дело? Не переживай! Если баба нужна, мы тебе новую найдем». В сорок первом мы ее расстреляли. Я как ни приду к Иосифу, так Поскребышев двери бежит открывать, заискивает, словно бесконечно благодарен. Сам дрожит, ненавидит, но за Сталина жизнь отдаст.

– А наш Семен Михайлович! – Вино, усердно разливаемое по бокалам, растворяло субординацию даже у Гоглидзе.

– Товарищ Буденный – героический маршал, полный георгиевский кавалер... Он под пули ходил чаще, чем мы с тобой по бабам. А как на жену его возбуждились,

так сам же ее на Лубянку и отвез. Красивая сучка, кстати, солистка Большого с прекрасным контральто. – Берия вожделенно причмокнул. – Сдал, так сказать, с рук на руки. Я ее и принимал тогда. «Оля, – сопровождал ее Семен Михайлович, – ты не волнуйся. Так надо. Товарищи во всем разберутся. Я позабочусь». Позаботился! До сих пор по лагерям песни поет.

Берия нажал на кнопку, распорядился подавать второе. Через минуту в гостиную внесли перепелов, фаршированных печенкой с коньяком.

– Давай, Серго, под горячее. – Берия освежил бокалы. – Короче, Поскребышева надо убирать и Власика тоже.

– Лаврентий Павлович, так с Власиком все уже порешали. От Сталина отлучили, он уже полгода как замначлага в Асбесте. Двадцать пять лет охранял отца народов, нынче его врагов сторожит. Вы с юмором подошли к Николаю Сидоровичу.

– В такой игре, дорогой Серго, полумеры опасны. Хозяин в любой момент заскучает, засентиментальничает и вернет из опалы любимого пса. С Власиком надо кончать раз и навсегда.

– Здесь многое зависит от министра...

– А все должно зависеть от нас! – резко перебил маршал гостя. – Игнатьев хитер. Урок с Абакумовым усвоил прекрасно. Он будет до последнего формально предан Сталину, но продолжит держать с нами дружественный нейтралитет – что-то не поймет, что-то не расслышит. Его правая рука не будет знать, что делает левая. Игнатьев всегда подставит плечо сильному, но и первый затопчет, если тот оступится.

– Игнатьев опасен. На контакт идет плохо, мне порой неделю приходится ждать, чтобы попасть к нему на прием, а ведь я его первый зам, – пожаловался Гоглидзе.

– Ты не понимаешь, Серго, что от Игнатьева может быть больше пользы, чем от Абакумова. Умный враг полезнее преданного идиота. Он человек Маленкова, а с Жорой мы договоримся. Пятого октября откроется съезд, Сталин готовит сюрприз, пробу сил, предварительную зачистку, добьет Молотова и Микояна.

Кстати, что там с супругой нашей «каменной жопы»?

– В ссылке в Казахстане Полина Жемчужина. Нормальные условия, помогаем. Она молодцом держится, ничего не просит.

– Баба стойкая, не совсем хорошо с ней получилось. Охаяли на весь свет, хоть и заслуженно. Здесь ее не хватает.

Маршал замолчал, пережидая пока подадут чай. Берия пил крепкий с лимоном, на сталинский манер.

– А эту тварь Рюмина надо убирать немедленно. Еще месяц его работы, и мы все пойдем вслед за Абакумовым. Думаю, Рюмин уже получил показания от Майрановского и Эйтингона.

– Допускаю, что Майрановский мог поплыть, но Эйтингон станет держаться до конца. Наум Исаакович – разведчик крепкий. А Рюмина убрать сложно. Как-никак, любимчик и надежда Сталина.

– У Сталина была одна Надежда, и он ее пристрелил. Нет ничего более переменчивого, чем любовь вождя. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!» – Берия поднялся со стула, ознаменовав окончание обеда. – Серго, делай что хочешь, но мне нужны материалы по Майрановскому, лаборатории и врачам. Где сейчас Судоплатов?

– В Киеве, Лаврентий Павлович.

– Вызывай его срочно. Он мне здесь нужен.

– Слушаюсь, товарищ Берия. – Вдохновленный энтузиазмом шефа, Гоглидзе взял под козырек и вышел из залы.

Глава 12. Кто считает пешки, когда король под ударом

Приказав Саркисову готовить выезд, Берия ушел к себе. Со второго раза завязав галстук нужной длины, он затянул широкий узел на шее.

Лаврентий Павлович старался не отставать от европейской моды. Из Англии доставлялись новые коллекции костюмов, по лекалам которых личный портной маршала товарищ Фурман шил для него гардероб.

Кортеж Берии состоял из трех гоновских[1 - ГОН – гараж особого назначения.] машин, но Лаврентий Павлович, то ли из скромности, то ли лишний раз не хотел раздражать Сталина, не любившего вооруженной свиты своего соратника, старался довольствоваться двумя ЗИСами. Охрана, находившаяся в хвостовой машине, передвигалась на ЗИС-110, сам Берия – на ЗИС-115, который отличался от предшественника капсульной броней и повышенной мощностью. На таком же автомобиле передвигался и Сталин, не тяготевший к роскоши мирового автопрома, как его вождь и учитель[2 - Вождь мирового пролетариата долгое время щеголял на «Роллс-Ройсе» Николая II, и в начале двадцатых пересадил всю партийную элиту на эти автомобили. В страну, изводимую массовыми убийствами и голодом, по приказу Ленина было поставлено семьдесят три роскошных лимузина. Спустя десять лет «чопорных англичан» заменили на «брутальных американцев». В 1935 году Рузвельт подарил Сталину бронированный «Паккард 12», уникальный в своем роде. На нем Иосиф Виссарионович проезжал двенадцать лет, пока в 1947 году не пересел на бронированный лимузин ЗИС-115, исполненный на базе «Паккарда 180». Броневик весил пять тонн, его тянули сто шестьдесят две лошадиные силы.].

Лаврентий Павлович смотрел на осеннюю Москву сквозь толстые, с кулак, силикатные стекла, которые никогда не опускались. Саркисов сидел впереди, рядом с водителем. Все молчали.

Мысли возбуждали нервы. Берия лихорадочно мусолил шляпу, как Аладдин волшебную лампу. Его угнетало, что он не может рассчитать время до точки невозврата. Он пытался понять, когда ситуация вышла из-под контроля, когда ему, всесильному Берии, его партийному отряду неприкасаемых, сложилась оппозиция, готовая биться насмерть? Сколько раз он успокаивал себя, что бесстрашие врагов – всего лишь безумие, а безумцы всегда обречены. Берия многие считали авантюристом, но он никогда им не был. Каждая его операция или интрига отличалась тонким расчетом. Нанося удар, он всегда предвидел сокрушающую контратаку противника, но, точно рассчитав силы сторон, всякий раз выходил из схватки победителем.

Даже в мятежной юности Лаврик никогда не метил в вожди. Не трибун и не мыслитель, всего лишь дерзкий грузин с мутной биографией. До середины тридцатых партийные бонзы – мастера революционной фразы, объятые народной славой, видели в плюгавом кичливом товарище с южных окраин лишь выскочку, мелкого энкавэдэшного карьериста. Сколько таких сломали себе ноги, не сделав и трех шагов. Но Берия не споткнулся, он просто перешагивал через трупы тех, кто имел неосторожность его недооценивать. При этом Лаврентий Павлович никогда не был одержим властью, он всегда оказывался на ступеньку ниже, чем того заслуживал, и этим не тяготился. Наверное, поэтому вожди так близко подпускали его к себе, видя в нем воплощение самых фантастических идей и не опасаясь конкуренции.

Плешивый, подслеповатый горец никак не мог претендовать даже на роль Председателя советского правительства. Так считал и сам Берия, пока в его руках не сосредоточилось все могущество Красной империи.

К концу 1945 года Лаврентий Павлович, держа в ножнах ядерный меч и управляя всесильной разведслужбой, вдруг осознал себя хозяином мира. Он мог уничтожить любого президента, разгромить любую армию, накрыть ядерным грибом любую державу. Но на родине Берия чувствовал себя Золушкой, в ком соратники видели лишь ломовую лошадь, готовые ее пристрелить, когда надорвется.

Будучи великолепным стратегом, Лаврентий Павлович понимал, что его звезда на Спасской башне зажжется только со смертью Хозяина. Идти в открытую против «друга Кобы» равносильно самоубийству. Оставалось не ждать, но готовиться, избавляясь или подминая под себя претендентов на советский престол.

Яд и кинжал – самые надежные союзники в борьбе за власть. Прагматизм Лаврентия Павловича стоял выше всех идеологических и национальных предрассудков. На передовой политической борьбы ему не нужны были собственные убеждения, он вполне довольствовался идеями Сталина. Когда в начале 1942 года чуть не потерявший Москву Верховный главнокомандующий предложил мобилизовать еврейскую интеллигенцию, которая расползлась по тылам от Куйбышева до Ташкента, Берия в сем замысле разглядел сверхзадачу. Идея Сталина была проста – собрать всех выдающихся и околывыдающихся советских евреев в финансово-политическое гетто, заставив их кланчить деньги

на борьбу с фашизмом у своих иностранных собратьев. НКВД в кратчайшие сроки организовал при главном пропагандистском рупоре страны Еврейский антифашистский комитет. Курировать новорожденный комитет поручили старому большевику Соломону Лозовскому, а лицом и главным переговорщиком с еврейским миром стал худрук Московского государственного еврейского театра Соломон Вовси, известный под псевдонимом Михоэлс, чей двоюродный брат Меер Вовси служил главным терапевтом Советской армии.

Михоэлс с поставленной задачей справился успешно. Крупнейшая мировая организация по защите евреев «Джойнт», основанная в Америке, наладила потоки денег, оборудования, машин, оружия, медикаментов и еды в Советское государство. Именно по мировой еврейской линии организовали помощь в рамках ленд-лиза. Однако международное еврейство не ставило во главу угла защиту своих собратьев от нацизма, тем более что к концу 1942 года судьба Германии была предрешена. Дружба евреев и Сталина явилась скорее сделкой, нежели актом безвозмездного гуманизма. За поддержку Иосиф Виссарионович обещал отдать под еврейскую автономию весь Крым, где потомкам Моисея уже мерещилось независимое национальное государство – воплощение мечты, к которой они шли два тысячелетия.

Вчерашний режиссер маленького театра Михоэлс вдруг почувствовал, что одалживает самого Сталина. Единоверцы не без гордости за глаза звали Михоэлса советским Шейлоком, ссудившим отцу народов миллиарды долларов под залог обетованной приморской земли. В создании ЕАК передовой еврейский класс увидел возрождение БУНДа – националистической партии еврейского народа, которой отводилась славная роль спасителя всех советских граждан.

Естественно, что «посланцы мира», которые отправлялись на забугорную паперть, тут же вербовались ЦРУ и МИ-6. Но «фирма Берии» к такому повороту оказалась готова. В кратчайший срок практически все члены Еврейского антифашистского комитета стали «добровольными» информаторами НКВД. Люди Берии не могли найти подхода лишь к некоторым, в том числе к самому Михоэлсу, запросто навещавшему самого Сталина. Поэтому вербовать Соломона не решались. Держался и Лозовский, рационально понимая, что его карьера в руках Сталина, презиравшего стукачей всех родов и званий. Зато Берии удалось склонить к сотрудничеству двоюродного брата Михоэлса – академика Вовси. Мирон Семенович, так его звали на русский манер, имел неосторожное знакомство с атташе американского посольства, поэтому быстро согласился

работать на Берию.

Титулованных врачей, лучших пропагандистов, блестящих журналистов, партийных трибунов, армейцев и чекистов – авангард советского еврейства Берия поставил себе на службу. На каждого у Лаврентия Павловича имелась папочка, которой бы с лихвой хватило для расстрела за измену Родине. Основным массовым доказательством связи еврейских товарищей с иностранными разведками служили их перекрестные доносы друг на друга. Атомный маршал сам себе напоминал Моисея, который еще не знал, куда вести свое стадо. Пока Берия использовал агентурную сеть как мощную информационную базу, в которую стекались как последние новости высокой мировой политики, так и сведения о быте, нравах, изменах и болячках всей партийной элиты.

Лаврентий Павлович хотя и не отвергал насилие как средство политической борьбы, но никогда не возводил его в культ и систему. К убийствам прибегал по необходимости, пусть и не по крайней. Его подчиненные полагали, что Берия получал удовольствие от пыток, уж очень он любил лично участвовать в допросах с пристрастием. Однако это не совсем так. Лаврентий Павлович действительно был завсегдатаем следственных действий по громким уголовным делам. Даже в Бутырской тюрьме оборудовал свой кабинет, куда по ночам привозили подследственных и где маршал лично избивал «врагов народа», но все это имело целью лишь понять, сломлен противник или еще готов бороться, понять, где обвиняемый говорит правду, а где клеветает на своих товарищей, пытаться выторговать себе спасение. То был бериевский контроль качества следствия и эффективности расправы.

Глава 13. Растворимое смертное

Пролитая кровь вопиет ко мщению, но утопленники, висельники и отравленные Богу не жалуются. Берия ни верой, ни суеверием не отличался, но к поголовью своих личных врагов, которое разрасталось по мере возвышения атомного маршала, он решительно применял жесткие меры, умножавшие всемирную летопись отравлений. «Растворимое смертное», так на Руси называли яд, в методологию советских спецслужб вошло еще при Ильиче. В начале двадцатых доктор Игнатий Казаков под крышей Всесоюзного института биохимии основал

лабораторию, в которой синтезировали и испытывали яды. Лабораторию курировал председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, передавший посмертную эстафету Генриху Ягоде. Но с утратой доверия Сталина к Ягоде, обвиненному в организации государственного переворота и подготовке убийства вождя, лавочка ядов подверглась ревизии. Профессор Казаков пошел подельником Ягоды и в 1935 году был расстрелян за отравление Менжинского, Куйбышева и яростного, но капризного Горького.

В ноябре 1939 года заместитель наркома внутренних дел Берия вместе с Маленковым арестовал своего начальника Николая Ежова. Сам и вел дело «кровавого карлика» на пару со своим протеже Богданом Кобуловым. Ежов на суде вины своей отрицать не стал, как на духу признался и в подготовке путча во время первомайской демонстрации, и в совершении актов мужеложства в «антисоветских и корыстных целях». Одним из его любовников, по признанию Ежова, стал шестидесятилетний Шая Голощекин – организатор убийства царской семьи. В октябре сорок первого Голощекина расстреляют, но после смерти Кобы поспешно реабилитируют.

Став хозяином Лубянки, Лаврентий Павлович вдохнул новый энтузиазм в «Лабораторию Х», которая вошла в структуру НКВД и переехала в одиннадцатый дом по Варсонофьевскому переулку, что за Лубянской тюрьмой. Токсикологическую лабораторию возглавил маниакальный бундовец с медицинским образованием Григорий Моисеевич Майрановский, подчинявшийся только Берии и его двум верным замам – Меркулову и Кобулову. Смертельные опыты Майрановский ставил на приговоренных к высшей мере наказания, которых по ночам доставляли в Варсонофьевский переулок из Лубянской тюрьмы или Бутырки. Яды добавляли в пищу мужчинам и женщинам, худым и толстым, определяя универсальную дозу. Испытывались инъекции, отравленные пули, специальные ручки, трости и лезвия. Разрабатывались методы отравления воздушно-капельным путем.

Страшные мучения жертв возбуждали в Майрановском демонический восторг. В промежутках между опытами Григорий Моисеевич травил себя казенным спиртом, чем страшно раздражал руководство. Но Берия понимал, что любой другой на его месте давно бы уже спятил или застрелился, в то время как «черный доктор» спивается, неистовствует, но дает результат.

В 1939 году Майрановского чуть не отстранили от руководства лабораторией. Дело было так. В конце декабря понадобился подопытный свыше ста двадцати

кило – так значилось в заявке. С Бутырки доставили тамбовского священника, приговоренного к расстрелу за контрреволюционную пропаганду. Батюшку за два метра ростом и полтора центнера весом прямо в рясе доставили к Майрановскому. Отца Николая сразу завели в спецпомещение – небольшую камеру с высоким потолком и широкими нарами с кожаными ремнями, как в клинике для душевнобольных. К полу прикручен металлический стол и две табуретки. Окон нет, зато в стене, напротив шконки, вмонтировано пуленепробиваемое стекло, за которым сидел истуканчик в капитанских погонах. Кафель в камере мыт, но если приглядеться, то возле нар заметны засохшие черные потеки и остатки рвоты.

Зайдя в камеру, батюшка перекрестился и сел на жесткие полозья нар прямо напротив равнодушно зевавшего за стеклом чекиста. Стоял непривычный тяжелый гул, словно от авиационных винтов. Под потолком работал воздухозаборник. Не успел отец Николай толком осмотреться, как в камеру вошли хозяева. Первый – худой, высокий, чернявый, в нечистом костюме и тонком галстуке, он странно двигался, как будто с каждым шагом внутри него взрывалась ампула с амфетамином. Второй – в белом халате, резиновом фартуке и одноразовом респираторе. В руках, облаченных в резиновые перчатки, доктор нес металлический поднос с тарелкой жареного мяса и стаканом воды.

– Здорово, святой отец! – Майрановский опустился на табуретку, закурил папиросу и придвинул поднос к священнику. – Поешь с дороги. Чай, давно мясо не жрал.

– Спаси Христос! Вкушать давненько не приходилось скоромного. Но трапезу вашу принять не могу. Пост нынче, Устав не велит.

– Грех от угощения такого отказываться, – заскрипел зубами Майрановский, которому дико захотелось спирта.

– За свои грехи все перед Богом ответим.

– Ты, считай, уже мертв. Похавай перед смертью.

– Так ведь сытым пузом в рай не войдешь, – смрадная камера зазвенела чистым добрым смехом.

Майрановский прикусил мундштук, пытаясь понять, бравирует ли его собеседник или тронулся умом.

– Поменяй! – Георгий Моисеевич раздраженно приказал человеку в халате. – Что у нас там еще есть?

– Капуста тушенная, – пробормотал человек в фартуке.

– Капусту будешь, поп? – зарычал начальник.

– Не откажусь, – смиренно отвечал священник.

– Сделай ему двойную порцию, – зло подмигнул сотруднику Майрановский.

Через десять минут принесли миску с новым содержимым. Отец Николай перекрестил пищу и осенил себя крестом.

– Ну, как тебе наша стряпня? – оскалился Майрановский, когда в миске ничего не осталось.

– Вкусно. Благодарствую.

Майрановский сверлил священника взглядом, пытаясь предугадать наступление агонии, но тщетно. Прошло минут пятнадцать, яд не действовал.

– Дайте ему еще пить! – начальник заорал в потолок, взывая ко всем и никому.

Принесли еще воды, в которой растворили двойную дозу курарина.

– «Не приидет к тебе зло и рана не приблизится к телесе твоему, яко ангелам Своим заповесть о тебе», – шептал батюшка.

– Ты правда не боишься смерти?

– Боюсь перед Творцом нашим неготовым предстать. А смерть мученическая – венец терновый для православного – есть нескончаемая радость духовная.

– Ну, венец-то я тебе обеспечу, – процедил Майрановский и завизжал не по-человечески, обращаясь к ассистенту: – Пистолет!

Помощник вышел и через пару минут вернулся с браунингом, нежно вручив его шефу, окончательно раскумаренному спиртными парами.

– «Не убоишься от страха ночного, от стрелы, летящая во дни, от вещи во тьме приходящая». – Отец Николай парализованным, но по-прежнему ясным взглядом смотрел сквозь Майрановского.

Священник поднес троеперстие ко лбу. Первая пуля порвала щеку и зарылась в бетонной стене, вторая вошла в правое предплечье, рука дрогнула.

– Теперь крестись, сука! И Богу своему жалуйся, – сипло захихикал Майрановский.

Кровь устилала рясу, отец Николай схватился за плечо. Изуродованное лицо источало кротость и смирение, густая борода набухла бурой жижей, губы продолжали шептать молитву, тонувшую в хрипе. Задыхаясь, батюшка упал со стула. Полопались глаза, голова превратилась в страшный взлохмаченный шар.

– Сколько времени на него убили. Пугало хриплое! Верь не верь, а все равно сдохнешь, – процедил Майрановский и обрушился на ассистента: – Чего ты улыбишься, как майская параша? Почему он от жратвы не загнулся? Там же доза лошадиная была!

– Не могу знать, Григорий Моисеевич! – прочеканил помощник. – Ээээ, получается...

– Получается. Хрен стоит, а голова качается. В следующий раз вместе со жмурами будешь хавать. – Майрановский пнул тело священника и вышел из камеры.

Лаборатория погрузилась в привычную грязную попойку, развернувшуюся в кабинете начальника. Спирт закусывали тушенкой, глумились над памятью убиенных. Казалось, что каждый из них отборным матом и папиросным дымом пытался отгонять призраки отравленных мертвецов.

Майрановский уже еле стоял на ногах, как в кабинет ворвался дневальный: «Поп сбежал!» Извергая паскудства, доктор достал из письменного стола служебный ТТ и ринулся в погоню.

Каким образом умирающему священнику удалось выползти на улицу, никто так и не понял. Задыхаясь, цепляясь руками, как крюками, за асфальт, отец Николай карабкался в сторону Рождественки.

Майрановский вприпрыжку настиг жертву и с каким-то обреченным утробным воплем выстрелил несколько раз батюшке в голову.

На пистолетные хлопки примчался патруль.

– Пошли вон! – безумно кричал Григорий Моисеевич милицейским, пальнув для острастки в воздух. – У меня особые полномочия от Бери. Это спецоперация!

Инцидент кое-как замяли, но по Москве поползли дурные слухи, и снова встал вопрос, не пришло ли время репрессировать инквизитора, в котором, казалось, угасло последнее здравомыслие. Сталин требовал немедленного отстранения «черного доктора», но Берия сумел убедить вождя, что Майрановский – одно из ключевых звеньев в ликвидации Троцкого[3 - 21 августа 1940 года Льва Троцкого на вилле в Мексике зарубил агент Судоплатова Рамон Меркадер. И хотя снадобья Майрановского негодились, Григория Моисеевича среди прочих представили к боевому ордену.].

Война воздвигла Бери нерукотворные памятники «гения разведки» и «организатора партизанского движения». Война же породила и конкурентов на советский престол. Самым опасным для Бери стал любимец Сталина, организатор героической обороны столицы, глава московских коммунистов Александр Щербаков.

В 1942 году сорокалетний генерал-лейтенант Щербаков сменил Мехлиса на посту начальника Главного политического управления РККА[4 - Рабоче-крестьянская Красная армия.], развернув военную пропаганду на сто восемьдесят градусов: на смену идеям интернационализма в армию вернулись русские державные традиции. Щербаков воскресил растоптанную большевиками память героев Белой империи. Учреждены ордена Александра Невского, Богдана

Хмельницкого, Суворова, Кутузова. Создана рабочая группа по замене «Интернационала» новым государственным гимном с «Великой Русью», «Отчизной» и «Отечеством».

Партийные бонзы с опаской поглядывали на Щербакова как на главного сталинского идеолога, готовившегося подмять под себя всю советскую пропаганду. Либеральная общественность видела в Щербакове неприкрытого антисемита, готовившего изгнание библейского народа из кровеносной системы государства, некогда интернационалистического, богоборческого и русофобского. И вот, когда вся страна праздновала День Победы, с девятого на десятое мая 1945 года молодой, энергичный Щербаков в свои сорок три года умирает якобы от обширного инфаркта. Еще тогда злые языки поговаривали, что накануне покойник поднимал бокал вместе с Берией и смерть его очень похожа на кончину Нестора Лакобы, которому поставили точно такой же диагноз. Но все эти дурные слухи потонули в триумфальных залпах Победы. Тело Щербакова скоро кремировали, урну с прахом погребли в кремлевской стене, а вместе с ней замуровали все ответы на неудобные вопросы.

Берия был незаменим, и Сталин смирился со смертью молодого партийного товарища. К тому же выдвигаемые Берией кадры оказались крайне эффективны. Он умел находить нужных людей, предоставляя им неограниченные полномочия и личное покровительство. Вождь стал заложником успехов Берии, полагаясь на него в самых критических ситуациях, чем Лаврентий Павлович безмерно пользовался. Весной 1946 года он добился назначения на пост министра государственной безопасности Виктора Абакумова. Своего давнего друга Георгия Жукова Берия осторожно, но упорно двигал на министра обороны, добившись от Сталина возвращения опального маршала из одесской ссылки.

С наступлением 47 года Сталин начал сдавать. Советской империей он уже не руководил, а правил. Генералиссимус по целым дням затворялся у себя на Ближней даче, принимая для докладов только избранное окружение. Вопрос о наследнике как никогда будоражил воображение его партийных соратников. Сам Сталин, казалось, выбор уже сделал – в пользу Председателя Верховного Совета РСФСР Андрея Жданова. Тот был человеком незаурядным, на посту первого секретаря Ленинградского обкома и горкома заслужил славу спасителя северной столицы от блокады. Признавая власть только за Сталиным, Жданов сдержанно презирал все его окружение, опираясь на свои кадры, поддерживал Кузнецова и Вознесенского в Ленинграде, продвигал на ключевые посты Шепилова и Суслова в Москве. В Андрее Александровиче Сталин видел

альтернативу блоку Берии, готовому на союзы хоть с чертом, лишь бы обеспечить право на наследство.

Чтобы сохранить прямую преемственность и гарантию безопасности для своей семьи, Сталин решает выдать дочь за сына Жданова – Юрия. Задача оказалась не из простых. Светлана на тот момент была уже дамой замужней, да еще и с сыном. Для скорейшего развода предпринимаются жесткие меры. В феврале 48-го ее свекра Иосифа Мороза арестовывают по обвинению в «клеветнических измышлениях против главы Советского государства». Понятно, что дочка отца народов не могла находиться в браке с сыном врага народа. Последовал развод и уже на осень назначена свадьба Светланы со Ждановым-младшим, которая предопределяла передачу власти Андрею Александровичу. Для Берии это означало неотвратимость политической смерти и беспощадной расправы, ведь отравленный Берией Щербаков – родной брат жены Жданова Зинаиды. Андрей Александрович выжидал малейшего ослабления Берии, чтобы отомстить за смерть шурина.

Берии предстояло действовать решительно и без промедлений. Лаврентий Павлович воспользовался лечением советского «дофина» в санатории на Валдае. Не без помощи «лекарств» из аптеки Майрановского крепкий Жданов почувствовал себя плохо. За Жданова взялись агенты Берии – начальник лечебно-санитарного управления Кремля Петр Егоров и лечащий врач Сталина Владимир Виноградов. И 31 августа 48-го на пятьдесят третьем году жизни Андрей Александрович скончался.

Смерть Андрея Александровича проложила Берии и Маленкову дорогу к открытому террору против его ставленников. Не прошло и полугода, как закрутилось «Ленинградское дело». Кузнецова, Родионова, Вознесенского и их соратников обвинили пред Сталиным в попытке создания русской коммунистической партии в противовес союзной. Первого октября 1950 года в два часа ночи 23 человека, входящие в высшее руководство страны, были расстреляны, всего же осудили 214 партийных функционеров и их близких родственников. Враг был повержен.

Не согласная с диагнозом и методами лечения Жданова кремлевский кардиолог Лидия Тимашук написала обращение в МГБ, в котором подробно изложила факты умерщвления наследника большевистского престола. Письмо Тимашук, пройдя все бюрократические процедуры, попало в руки Абакумова, который без труда догадался, чьи интересы оно затрагивает. Абакумов хорошо помнил

странную кончину Щербакова в мае 45-го, полагая, что Сталин простил Берии эту смерть, но теперь не был уверен, что вождь так же смирится с убийством Жданова. Держа в руках письмо Тимашук, министр государственной безопасности впервые почувствовал, как уходит из-под ног земля. Он оказался перед неразрешимым вопросом. Показать письмо Берии, который формально уже не являлся начальником министра, означало косвенно обвинить Лаврентия Павловича в заговоре, а самому стать неудобным свидетелем. Уничтожить записку, уже побывавшую не в одних руках, значит стать участником заговора, который рано или поздно раскроется. Оставался единственный выход, даже не выход, так, полумера, позволявшая хотя бы на время отвести от себя беду, – «не придать значения» доносу, спустив копию начальнику Лечсанупра Кремля Егорову, участвовавшему в лечении и Щербакова, и Жданова. Дескать, сами кашу заварили, сами ее и расхлебывайте.

Глава 14. Мы не святые, но все может случиться

Мозгалеvский проснулся в квартире на Воздвиженке, куда порой уединялся от мира. Стрелки стояли на начале десятого.

Оглядев себя в зеркале, он с удовольствием провел по волосам, прищурился и оскалил зубы. Съежившись, залез под ледяной душ, прислушиваясь к каждой судороге своего настоящего тела. Поставил вариться кофе, немного подумав, все-таки плеснул в рюмку коньяка, включил телефон, обнаружив три пропущенных звонка от Красноперова, перезвонил.

– Горазд ты спать! – отозвалось на другом конце провода, голос Красноперова еле справлялся, сдерживая восторг. – Приезжай на Пречистенку, пообедаем, великие дела обсудим. Все наши подъедут. Давай там через час.

Прочитав ворчливое сообщение от жены и раздраженное от любовницы, Мозгалеvский позвонил помощнице:

– Оль, отмени на сегодня все встречи. Вызовы я на тебя переадресую, особо уважительные причины придумай сама.

Возле ресторана «Кому жить хорошо», что напротив кирпичных цехов «Красного Октября», охрана высаживала Блудова, на ходу ругавшегося с кем-то по телефону: «Ты передай, что я ему руки отрублю, будет крылышками махать, если он завтра не передаст все документы на объект».

В глубоких диванах уже нетерпеливо скучали Вика и Красноперов. Друзья заговорщицки переглянулись и только потом обнялись.

– Странно все это, – не смог удержать улыбки Мозгалеvский.

– Странно – это когда с похмелья башка не гудит, – улыбнулся навстречу Красноперов.

– Здравствуйте, господа. – К столу подошел управляющий рестораном, сияющий услужливой почтительностью, словно исходящей из самого сердца, и, дождавшись милости протянутых рук, добавил: – Очень рады видеть вас снова.

– А не бахнуть ли нам? – не слушая его, потянулся Блудов к винной карте. – Легохонько, я правила помню.

– Осмелюсь предложить «Сассикайя» 2004 года, совсем недавно получили всего пять бутылок, – зная вкус Блудова, расшаркался управляющий.

– Михаил, пить итальянское вино по цене лучшего французского – это жлобство, – захихикала Вика, косясь на Красноперова.

– Ты, наверное, хотела сказать мещанство, – поправил Блудов.

– Наверное, да! Ой, какая я дура, – девушка обняла генерала.

– Слушай, дорогой, – обратился Блудов к управляющему. – В твоём погребе есть «Хванчкара»? И вместо своих пармезанов и срукал сделай сулугуни, чтобы сочный, и зелень, чтобы кинзы побольше.

Все в изумлении уставились на Блудова, и только присутствие стороннего удержало друзей от энергичных замечаний.

– Михаил Арленович, – управляющий замешкался. – Вы же знаете, что у нас европейская кухня. У нас нет грузинских вин.

– Послушай меня, – Блудов поморщился. – Я Жоре сейчас позвоню, ты сам грузинским станешь.

– Постараемся решить. – Имя хозяина ресторана возымело нужный эффект, и каким-то чудесным образом уже через пятнадцать минут расторопные официанты накрыли стол в лучших традициях грузинского гостеприимства.

– Эко тебя, Мишань, спросонья накрыло, – рассмеялся Красноперов. – Ну, как выпались?

– Очень круто, – выпалила Вика. – Я там совсем молоденькая. Мне 22 года. Впервые в жизни работаю. Да еще где! Мне там все подружки завидуют. Это же круче, чем в Газпроме. У меня платишки такие милые, прям как у Одри Хепберн. Печатаю так быстро, аж до сих пор пальцы болят.

На этом месте живописаний девушки Блудов внимательно посмотрел на свою левую ладонь, перебирая пальцами, а Мозгалеvский пригладил волосы.

– Вы только представьте, свою же бабу, – Красноперов споткнулся, – в своем же сне не могу добиться. Холодная такая и глядит без ласки. Дождешься, уволю тебя, – погрозил генерал пальцем.

– Ну, Вить, я же на работе, – расплескалась смехом девушка.

– А зачем я тебя с собой брал? Самая дорогая машинистка за всю мировую историю – и без взаимности.

– Георгий Константинович, может, все еще впереди. – Вика прикусила губу и скользнула взглядом по Мозгалеvскому. – И вообще, ты там женат. Спи с женой!

– Когда? – Красноперов грустно ухмыльнулся. – Ведь нам только день снится.

– Любовью надо заниматься, когда хочется, а не когда темно, как Лаврентий Павлович, – промурчала девушка.

– Лично мне все по душе. Интриги, заговоры, женщины. Вокруг трепет и почет. Сминаю всех! – Мозгалеvский театрально откинулся на диван. – Кстати, не знал, что я дружу с Жуковым.

– Додружился до смерти. Но, если разобраться, самый кровавый из нас – это сибарит Жуков. Если б не его страсть к славе, глядишь, и война бы нам стоила миллионов на семь жизней меньше. – Блудов явно наслаждался «Хванчкарой».

– Тебя с таким дисконтом немцы бы расстреляли на Красной площади еще в 41-м, – огрызнулся Красноперов. – Лучше расскажи, как тебе в шкуре хозяина полумира.

– Восхитительно! – Блудов пальцами захватил дольку сулугуни. – Подагра, простатит, старческая отдышка! Мне 72 года, я живу на огромной даче, похожей на казарму. Офицеры боятся, прислуга жалеет. А я хочу пережить всех, кто за моей спиной делит власть. Гнусное состояние. Две радости в жизни – грузинское вино и абхазские мандарины. – Блудов сжал левую ладонь в кулак. – Еще у меня не работает рука.

– Ты же все равно правша, – засмеялся Красноперов. – Потерпи, старый, тебе еще полгода осталось. Упивайся властью, какой не было ни у кого на свете. Разве что у Македонского.

– Какой в ней толк, если нет здоровья. Какой в ней смысл, если она бесцельна. Я даже не смог уберечь тех, кому был готов доверить страну – Кирова, Щербакова, Жданова, Вознесенского. Вон Берия с Маленковым всех уничтожили. Моя любовь стала проклятием и смертным приговором.

– Миш, не занудствуй, – перебил Красноперов. – К чему столько патетики. В борьбе за власть нет и не будет борьбы за судьбы Родины. Через недельку втянешься. Твоя проблема, что ты никого не любишь и никому не доверяешь.

– Здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы, – уголки Мишиных губ надменно дернулись.

– Узнаю брата Кобу, – Мозгалеvский похлопал товарища по плечу.

В зале появился охранник Блудова и, дождавшись барской отмашки, подошел к столу.

– Михаил Арленович, – охранник склонился над шефом, придерживая оттопыривавшую пиджак кобуру. – Вот трубка, как вы просили. Взял самую дорогую, какая была. Папиросы «Герцеговина Флор» больше не производят. Поэтому взял три пачки «Казбека».

Друзья азартно переглянулись, Блудов же, не обращая внимания на усмешливые взгляды, жадно выпотрошил в трубку две папиросы.

– Ты же не куришь, Мишань, – Красноперов подлил товарищу вина.

– Я и сейчас не курю. Баловство все это. – Блудов со странной ловкостью втянул пламя спички в бриаровую чашку курительного прибора.

– Арленыч, не переживай ты, как ни крути, социализм построил, – Красноперов с удовольствием прислушивался к терпкому дыму.

– Строить социализм и построить социализм – две вещи разные, – чеканно изрек Блудов.

– Миш, нам с тобой после нашего путешествия можно по миру ездить с лекциями «Построение социализма в отдельно взятой стране».

– Точно! – оживилась Вика, заскучавшая в сложном разговоре. – Поехали на Кубу, там кокосы, социализм и машинки печатные, наверное, еще остались.

– А ведь удивительно. – Красноперов перебил Вику, словно стесняясь ее речевых оборотов. – Наш социализм с ядерным молотком сгорел за семьдесят лет, а их с папайей и ромом живет и здравствует. Не зазорно и старость встретить в этом коммунистическом раю.

– Гавана впечатляет, – вздохнул Мозгалеvский, вспоминая семейный отпуск пятилетней давности. – Город похож на величественный средневековый костел, который за десять лет варварски превратили в дом культуры, нарубили новых улиц, размалевали тысячелетнюю историю революцией и Че Геварой. Кубинский

социализм – это твоя некогда любимая «Сассикайя», разлитая в пластиковые стаканчики.

– Но ведь они держатся! Они свободны! – возразил Красноперов.

– Обезьянья свобода, – пожал плечами Мозгалеvский. – В отличие от всех коммунистических режимов, у них очень своеобразный подход к охранительству. Кубинцы могут исповедовать любую религию. Быть масонами, геями, педофилами, пить кока-колу и ездить на американских машинах. Тотальная свобода совести и потребления, точнее иллюзия последней, поскольку большинство кубинцев не могут себе позволить даже выкурить кубинскую сигару.

– Они же там все курят, – удивилась Вика.

– Курят они самый дешевый табак – шлак, который остается от сигар, скрученных для ненавистных капиталистов. Одна «Cohiba»[5 - Популярная марка кубинских сигар.] на Кубе стоит половину средней зарплаты кубинца.

– Вот кубинцы и бегут в Америку, – вставил Блуdiv.

– Бегут, – подтвердил Мозгалеvский. – Раньше бегство из страны приравнялось к государственной измене. В США плыли тысячи недовольных Кастро. Потом, когда американцы заголосили о попираемых правах человека, Фидель выделил квоту на желающих покинуть Остров свободы – двадцать тысяч в год. Желавшими переехать в Америку почему-то оказались исключительно ненормальные в прямом смысле этого слова. За два года на Кубе опустели все психиатрические лечебницы.

– Свобода – удел сумасшедших, – резюмировал Красноперов. – А Куба – страна нищих, а нищие никуда не торопятся.

– Слишком счастливые они для нищих, – пожал плечами Мозгалеvский.

– Нищие они для нас, рабов общества потребления, узников чужой моды, чужих вкусов и чужих идей. У них есть все, чтобы жить, а еще национальная гордость, которую у нас отняли, – отчеканил Блуdiv тоном, не допускающим возражений.

– Еще неделя сновидений, Мишань, и ты раздашь все деньги, пошьешь френч, забьешься в угол и будешь сосать трубку, ропща о социальной справедливости, – рассмеялся Красноперов.

– Вить, – Блудов поморщился, раздражаясь иронией товарища. – Я и так трачу на благотворительность десятки миллионов. Раздал бы все, но кому? Больным детям, чтобы айболиты строили частные клиники для богатых лохов? Церкви, чтобы на заряженных «мерсах» бились служители культа?

– Михаил, как вы только можете злословить на церковь? Это же грех большой! – встряла Вика.

– Не на церковь, а на тех, кто гореть в аду будет ярче нашего.

– Кстати, я сегодня Виктора веду в Большой на «Травиату», – как ни в чем не бывало зашебетала Вика. – Не хотите ли с нами?

– В другой раз, Виктория, – Блудов прикусил мундштук. – Я сегодня хотел пораньше лечь спать.

– Навстречу подагре и простатиту? – прищурился Красноперов.

– И навстречу им тоже, – Михаил выпустил облако дыма.

– Мне пора, служба как-никак. – Красноперов поднялся. – Здесь у меня хоть и звезды поменьше, а спросу побольше.

– До вечера, милый. – Вика чмокнула генерала. – Только постарайся не опаздывать.

– Когда это я опаздывал?

– Ну, всегда! Что за натура такая, спецномера, мигалки, но хоть бы раз вовремя приехал.

Вслед за Красноперовым засобирался Блудов. Закрыв счет, на выход потянулись и Вика с Мозгалевским.

Владимир проводил девушку до ее машины. Галантно открыв дверь, чиновник вполголоса выговорил:

– Вик, я думаю, нам стоит все рассказать.

– Зачем? – Девушка смотрела перед собой, словно во что-то вглядываясь на дороге. – Это же все понарошку, а расстроится он по-настоящему. – Она захлопнула дверь, резко сорвала машину с места, прибавила музыку и достала ментоловую сигаретку. В зависимости от душевного настроения Вика в машине слушала Лолиту, Бузову или проповеди отца Дмитрия Смирнова.

Глава 15. Деревянные солдаты Железного Феликса

Миша Рюмин родился первого сентября 1913 года, из образования – бухгалтерские курсы, с началом войны – двухмесячные курсы Высшей школы НКВД, так рядовой счетовод стал мастером заплочных дел. Министр госбезопасности Абакумов держал его за дурачка, способного развалить любое дело, которое следует развалить, за дурачка, что будет назначен крайним там, где требуется такое назначение. И дурачок Рюмин до поры оправдывал столь специфическое доверие. В 1946 году закрутилось «трофейное дело». Сталин хорошо помнил заговор троцкистских военачальников и не желал его повторения. Кроме того, аскету Кобе всегда претила роскошь, в которой погрязла армейская верхушка, одуревшая от берлинского мародерства. Формальным поводом для возбуждения дела стало донесение первого замминистра вооруженных сил Николая Булганина о том, что на таможне близ Ковеля задержано семь вагонов с мебелью. При проверке документов выяснилось, что гарнитуры принадлежат Георгию Жукову. К маршалу Победы пришли с негласным обыском. Сотрудники государственной безопасности остались под впечатлением от залежей сокровищ, до которых был охоч любимец советского народа. Тогда Жуков в своем письме «О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей» в самых уничижительных формах оправдывался и просил оставить его в партии. Маршала не тронули, но в феврале 1948 года арестовали двенадцать жуковских генералов, троих из них поставили к стенке.

Как выяснило следствие, на ниве грабежей по праву победителей особенно преуспел любимец Георгия Константиновича генерал-лейтенант Владимир Крюков, умудрившийся в самый разгар войны стать четвертым мужем прославленной советской дивы Лидии Руслановой, которую арестуют вместе с генералом. Во время обыска у них изъяли коллекцию немецких автомобилей, семьсот тысяч рублей, двести восемь бриллиантов, более ста кило серебряных изделий, сто тридцать две картины русских художников, тридцать пять старинных ковров, триста двенадцать пар мужской модельной обуви, восемьдесят семь мужских костюмов и сорок четыре велосипедных насоса – генеральское представление о достатке.

Жадность до роскоши чекистской гильотиной зависла над шеей Жукова. Абакумов, зная о дружбе Берии с маршалом Победы, оказался между двух огней. Как угодить Сталину и вывести из-под удара Жукова? Тогда министр и поручил это дело Мише Рюмину, взявшемуся за него именно с таким энтузиазмом, на который и рассчитывал Абакумов. Рюмин принялся терзать арестованного по «барахольному делу» Героя Советского Союза двадцатисемилетнего майора Петра Брайко и кладовщика берлинского оперсектора НКВД Кузнецова. Несломленный в немецком плену Брайко в лубянских застенках сдал маршала, а бывший кладовщик, которому Рюмин папиросами прижигал язык, подписал нужные показания.

Получив пестревшие бурными потеками вымученные протоколы допросов, Сталин рассудил, что строить на таком материале процесс против обласканного народной молвой полководца – быть обвиненным в неправомерной расправе с негодными военачальниками. «Что стоит Жуков без своих генералов, от которых он отрекся, не проронив ни слова в защиту боевых товарищей?» – размышлял генералиссимус. План Абакумова сработал, маршал был спасен, Берия остался доволен.

Но несмотря на повышение, Рюмин понял, что его гадко используют, угадал расчет Абакумова и затаил обиду. Так получилось, что письмо Тимашук о врачах-вредителях Абакумов отписывал через Рюмина, вновь полагаясь на исполнительную глупость следователя. Сняв копию с письма, Миша стал выжидать момент, когда министр оступится, чтобы сделать все, чтобы он никогда не поднялся. Кровавая лава соперничества, должная смыть Абакумова, уже закипала в партийных недрах.

В пику Берии в МГБ действовала группа замминистра генерала Сергея Огольцова, замыкавшаяся на Жданова, который решил воспользоваться информацией о вербовке родственников первой жены Сталина агентами Еврейского антифашистского комитета. Именно Огольцов первым подал сигнал в Политбюро о «законспирированной группе врачей-вредителей». И именно Огольцову в обход Абакумова поручили допросить Михоэлса, воспользовавшись его поездкой в Минск.

Вечером 12 января 1948 года режиссера вместе с театроведом Голубевым пригласили на дачу к шефу госбезопасности Белоруссии Лаврентию Цанаве, куда уже прибыл из Москвы генерал Огольцов. Несмотря на то что Цанаву своими карьерными успехами был обязан всецело тезке, ему волею обстоятельств пришлось перейти в оппозицию к Берии. В 1947 году в Москве отпрыск Цанавы попался на изнасиловании. Прокуратура возбудила дело. Цанаву-старший бросился к Берии, но тот, посчитав, что подобное заступничество может обернуться против него в глазах Сталина, решил не вступаться за юного подонка. Тогда к Цанаве на выручку пришли враги. Соратник Берии ради спасения сына не побрезговал «дарами данайцев» и принял помощь от друга Жданова, секретаря ЦК Алексея Кузнецова, отвечавшего за партийный контроль силовых структур. Кузнецов вмешался, и дело закрыли. Но отныне генерал Цанаву стал верным слугой Жданова.

Разговор на даче не пошел с самого начала. Истеричный Соломон, поднабравшись чекистской водки, матерно заявил, что он подчиняется только Сталину и Берии, который сгноит Огольцова и Цанаву в ГУЛАГе. Товарищ Михоэлс Голубев заявил, что он является агентом МГБ и завтра же подаст рапорт на имя Абакумова. Далее пошли пьяные угрозы-признания о том, кто контролирует и иницирует деятельность ЕАК. Огольцов позвонил Жданову, сумбурно изложил ситуацию. Оставлять в живых упрямого Михоэлса было невозможно. Цанаву оказался заложником ситуации, обреченно исполняя приказы Огольцова, запивая их водкой. Михоэлса и Голубева раздавили грузовиком, трупы выкинули в городе.

Берия гибель Соломона не простил, и после смерти Сталина все участники убийства были арестованы. Получив служебную записку от Огольцова с подробностями инцидента в Белоруссии, Иосиф Виссарионович был крайне раздосадован расправой над главным еврейским глашатаем, бросавшую тень прежде всего на самого Сталина. Сведения, разоблачавшие Берия, имели слабый вес для вождя, поскольку кроме чекистов подтвердить их оказалось

некому. К тому же Сталин подозревал в них интригу Жданова. Однако монолит доверия генералиссимуса к атомному маршалу дал явную трещину, смещение Берии стало вопросом времени.

Глава 16. Мертвые по счетам не платят, к ответу призовут живых

В стране набирала обороты кампания по борьбе с космополитизмом, знамя которой поднял именно Жданов. Однако в августе 48-го Жданов был отравлен. Но Председатель Совмина РСФСР Михаил Родионов, Председатель Госплана СССР Николай Вознесенский и секретарь ЦК партии Алексей Кузнецов, вдохновленные поддержкой Сталина, не собирались складывать оружия. Через год все они будут арестованы по сфабрикованному Маленковым, Хрущевым и Берией «Ленинградскому делу». Специально для обвиняемых 12 января 1950 года Маленков добьется восстановления смертной казни, отмененной в 47-м.

Смерть Жданова потрясла Сталина, и уже в ноябре 1948 года Еврейский антифашистский комитет был распущен, через два месяца начались первые аресты деятелей «сионистского подполья».

В начале 1949 года на Лубянку доставили главных распорядителей в Еврейском антифашистском комитете Соломона Лозовского и Исаака Фефера. Двадцать три человека расстреляют по делу ЕАК, еще шестеро не доживут до суда.

Сталин же считал, что арестов мало, расследование явно саботируется Абакумовым, увлеченным расправой над «ленинградцами». И летом 1951 года настала очередь самого министра государственной безопасности переступить порог Лефортовской тюрьмы.

Сталин считал, что одним из условий стабильности его личной власти является постоянная борьба кланов. После «Ленинградского дела» Иосиф Виссарионович решил, что пора браться за Берию, ослабив тем самым Маленкова и Хрущева. Официальное наступление на атомного маршала Сталин решил начать с вотчины Лаврентия Павловича – Грузии, где силовые и партийные органы заражены бациллами кумовства и коррупции ставленников Берии, как и он сам, мегрелов. Вызвав к себе весной 51-го Абакумова и обрисовав ему масштабы нового дела, Сталин приказал министру: «Ищите большого мегрела». Абакумов

чувствовал, как петля затягивается на его шее, но решил придерживаться ранее выбранной стратегии – выигрывать время и ждать. Сыграть со Сталиным смертельную партию Виктор Семенович планировал проверенной на «деле маршала» комбинацией – заволокитить и развалить дело руками дурачка Рюмина.

Однако Сталин, которому тут же доложили, что Абакумов сообщил Берии о предстоящем замесе, взял расследование под свой контроль. Иосиф Виссарионович потребовал к себе Рюмина. Возложив прямую ответственность за расследование на подполковника госбезопасности, Сталин намекнул ему на недоверие министру. Для Рюмина пробил звездный час. Собрав компромат на своего шефа, жемчужиной которого стало письмо Лидии Тимашук, 21 июля 1951 года Рюмин направил Сталину служебную записку, в которой обвинял Абакумова в сокрытии важных материалов о смерти Щербакова и Жданова, а также сообщал о наличии в органах государственной безопасности сионистской группы. Сталин потребовал от Абакумова предоставить Рюмину самые широкие полномочия, и 10 июля 1951 года уже полковник был назначен начальником следственной части по особо важным делам МГБ СССР. А спустя два дня на министра Абакумова надели наручники.

Надо сказать, Виктор Семенович Абакумов умел растворять кровавые будни министра МГБ в дольче вита. Он являл собой полную противоположность брату Алексею Семеновичу, который служил настоятелем московского прихода. Рукоположенного родственника Абакумов видел редко, не желая лишних напоминаний о совести и неотвратимости возмездия за погубленные им души. Именно министр государственной безопасности ввел в моду партийных бонз большой теннис. Мастер спорта по самбо и заядлый любитель погонять мяч, Виктор Семенович блестяще, со жгучим азартом танцевал фокстрот, за что среди своего окружения получил прозвище «фокстротчик». Не стеснялся Абакумов и роскошной коллекции автомобилей, которые после войны для него спецбортами вывозили из Германии. В делах сердечных он слыл небрежным эстетом, что Сталин не поощрял, но на вид никогда не ставил.

После войны Абакумов разошелся с Татьяной Смирновой, щедро оставив ей пятикомнатную квартиру в центре Москвы. Вскоре министр узаконил свои отношения с секретаршей Антониной, тоже Смирновой. Свежая пассия Абакумова была дочерью известного советского гипнотизера Орнальдо, что льстило Виктору Семеновичу и, по его мнению, укрепляло новую аристократическую породу. Новую семейную жизнь министр принял

устраивать с выдающимся размахом. Генералу приглянулась коммунальная квартира в Колпачном переулке, куда его однажды завела очередная любовная интрижка. Решив, что он там будет жить, министр потребовал выделить 800 тысяч рублей на расселение шестнадцати семей, обитавших на трехстах квадратных метрах. И после роскошного ремонта состоялось долгожданное новоселье. В мае 51-го у четы Абакумовых родился первенец, названный Игорем. А еще через четыре месяца все семейство советских аристократов арестовали.

Как распоряжался своей жилплощадью Абакумов, оперативники узнали в тот же день, нагрянув с обыском. Бывшая коммуналка напоминала склад невиданного в Союзе дефицита. Десятки импортных радиол, холодильников, сотни метров первоклассной ткани, ковры ручной работы, полсотни золотых наручных часов и россыпи драгоценностей. Но особо поразили вчерашних подчиненных министра триста корней женьшеня, должных обеспечить Виктору Семеновичу долгую зазорную жизнь.

Абакумову суждено было разделить судьбу своих жертв. Его держали в камере-холодильнике, били. В партийной тюрьме этажом выше томили жену вместе с грудным ребенком. Но он пока еще держался, понимая, что Рюмин – это всего лишь временный фактор, что ситуация неустойчива и может развернуться в любую сторону. «Берию сломать нелегко, – размышлял Абакумов. – Ему удалось протащить Гоглидзе, да Игнатъев тоже не чужой. А значит, не все потеряно». Но если он, Абакумов, потечет и начнет сливать Берию, чего требовал Рюмин, от врагов пощады не будет, а от друзей тем более.

Генерал Огольцов, арестовавший Абакумова, был немедленно назначен ВРИО министра госбезопасности. Но Сталин не выдержал напора Маленкова и Хрущева, выступивших против представителя вражеского клана. Окончательный выбор кандидатуры министра ГБ Сталин остановил на Семене Игнатъеве, который хоть и считался человеком Маленкова, но, в отличие от своих предшественников, чтит социалистическую законность и старался держать дистанцию от противоборствующих группировок. Иосиф Виссарионович полагал, что оппозиционный Берии и Маленкову Огольцов в качестве зама при Игнатъеве и яростный руководитель следственной части Рюмин – самая стабильная конструкция силового блока, обеспечивающая политический паритет и взаимный контроль.

Лаврентию Павловичу удалось сохранить в должности первого замминистра Серго Гоглидзе, что атомному маршалу мерещилось шансом на спасение. Но это

не помешало Рюмину и Огольцову взяться за лучшие кадры Лаврентия Павловича. Сразу после ареста Абакумова начались чистки. Взят под стражу отъявленный садист, замначальника секретариата МГБ Яков Броверман. Вместе с Абакумовым в арестанты определили начальника следственной части Леонова и его замов – Комарова с Лихачевым. Трясли бериевскую контрразведку: в тюрьму отправили заместителей начальника контрразведки Леонида Райхмана и Андрея Свердлова, сына легендарного большевика Якова Свердлова, в порыве антисемитской страсти забитого насмерть орловскими рабочими в 1919 году. Именно через Свердлова и Райхмана Берия курировал ЕАК и Совинформбюро, на что указывал в своих показаниях Соломон Лозовский, арестованный еще 26 января 49-го.

Глава 17. Переставая быть к другим жестокими, мы молодыми быть перестаем

«Как же мы пропустили этого Рюмина? – раз за разом Берия задавался этим вопросом, никак не желая подниматься с постели, а рядом, уткнувшись в подушку, беззаботно сопела золотая копна волос. – Как позволили форменному идиоту разломать годами отстраиваемый силовой блок?»

Лаврентий Павлович с бессильным гневом вспомнил, как в октябре 1951 года пришли за генералом Наумом Эйтинггоном, которого называли советским Скорцени. Наум Исаакович разрабатывал и проводил секретные террористические мероприятия в Союзе и за его пределами. Официально в МГБ Эйтинггон отвечал за добычу разведданных по ядерному оружию, лично отчитываясь перед Берией. В его подчинении находилась и «Лаборатория-Х», которую Рюмин накрыл сразу же после ареста генерала. Когда пьяного Майрановского выводили из офиса в Варсонофьевском переулке, доктор проклинал и матерился, но после пары тяжелых отрезвляющих ударов сник, лишь недовольно бурча под нос что-то нечленораздельно жалостливое.

Берии удалось сберечь лишь начальника Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей Павла Судоплатова, срочно командированного за рубеж. Но Рюмин не скрывал, что судьба бериевского диверсанта номер один будет зависеть только от показаний Майрановского, которые он непременно получит. Чекисты, обвиненные в сионистском заговоре в МГБ, вскоре поплыли, пошли показания. Полным ходом раскручивалось мингрельское дело, а материалы

Еврейского антифашистского комитета уже направлялись в суд.

Берия был окружен, обескровлен, но не сломлен. Лаврентий Павлович понимал, что именно он конечная цель этого уголовного пасьянса, и у него оставалось от силы полгода для жестких контрмер. Загадкой для Берии представлялось окончательное решение Сталина по судьбе атомного маршала. Надумал ли Коба уничтожить соратника в ходе беспрецедентного судебного процесса или же все-таки хитрый грузин хочет в назидание лишь выжечь вокруг Берии все живое, пустить под нож друзей, соратников, родню, как это любил делать сам Лаврентий Павлович. Еще лет пять назад Берия уверовал бы во второй вариант развития событий. Но нынче Сталин глубоко не молод и не совсем здоров, чтобы играть вдолгую, оставляя в наследство стране и детям полуживые трупы своих врагов. Берия понимал, что обречен, но странно верил, что Сталин его не тронет. Однако логика момента и скудная информация о ходе расследования, затеянного Огольцовым и Рюминым, вооружали Лаврентия Павловича решимостью загнанного в угол зверя.

– Доброе утро, дорогой! – прелестная головка, зевая, зависла над подушкой. – Сколько времени?

– Семь тридцать, – механически произнес Лаврентий Павлович, не отрываясь от гнетущих мыслей.

– Я же так на работу опоздаю, – уже сидя на кровати, девушка терла глаза.

– Жуков последнее время раньше десяти не просыпается, – презрительно ухмыльнулся Берия.

– Ну, я же этого не могу знать, – она сделала усилие над собой и встала.

– Не спеши, тебя отвезут. – Лаврентий Павлович схватил ее за руку, схватил скорее дежурно, пытаясь принять для себя какое-то решение.

– Этого еще не хватало, – властно отрезала девушка. – И так кости мои по углам перемывают, а тут еще слухи поползут.

– Судачат – значит завидуют, – расплылся улыбкой Берия, вырвавшись из плена тягостных дум. – Черт с ними со всеми, Катя.

– Хорошо тебе говорить, ты – великий, а я девочка маленькая, каждый обидеть может.

– Кто тебя обидит, тот дня не проживет.

– Врешь ты все, – меланхолично прошептала девушка.

– Хочешь, я тебя к себе в аппарат заберу?

– Не хочу, – небрежно кинула Катерина. – Я ж ревнивая, проходу тебе не дам. И бабам твоим. Кстати, а ты знаешь, что он со мной флиртует?

– Кто? – Катино пустое монотонное щебетание стаскивало маршала в пучину угрюмых размышлений.

– Ну, шеф! Георгий Константинович, – Катя кокетливо зарумянилась.

– А ты? – задетое ревностью самолюбие вновь вернуло Лаврентия Павловича к реальности.

– Напекаю, что я девушка серьезная, глупостей себе не позволяю, ничего, кроме брака, рассматривать не готова. Ты же на мне женишься, Лаврик? – Катя звонко рассмеялась, встала наконец с постели, накинула халат, горделиво расправив плечи, любуясь своим отражением в зеркале, и, словно милостыню, швырнула Берии:

– Шучу!

Екатерина Климова только что справила двадцатитрехлетие. С Лаврентием Павловичем она познакомилась на даче Жукова, куда маршал Победы вызвал молодую машинистку для подготовки документов в воскресный день. Берии тогда показалось, что друг Георгий решил похвастаться Климовой. Вот, мол, гляди, и у меня есть на что посмотреть! И Лаврентий Павлович посмотрел. Не прошло и недели, как Саркисов привез барышню в особняк на Качалова.

– А что будет, если Георгий Константинович узнает про это, ну, про нас? – Катя застыла на пороге ванной комнаты.

– Ничего. Умоется. Жоре не впервой.

– У тебя гарем, что ли? – настала Катина очередь ревновать.

– В смысле он отходчив, обиды не держит. А я держу. Хороший он человек.

– А ты, выходит, плохой? – съерничала Катя.

– По крайней мере, я честен сам с собой, а это сложнее, чем быть просто хорошим.

– Лаврентий, не будь таким жестоким, пожалуйста, – Катя блеснула взглядом, – и ты увидишь, как все само устроится.

– Переставая быть к другим жестокими, мы молодыми быть перестаем, – продекламировал Берия и вышел из спальни.

Глава 18. Чужое забрать – как свое найти

В приемной кремлевского кабинета Берии минут сорок как дожидался аудиенции Арсений Григорьевич Зверев – министр финансов, занимавший свой пост с 38 года. С Берией они дружили семьями, хотя Сталин доверял Звереву, как человеку независимому от внутривластных интриг.

Они зашли в кабинет, куда принесли чай с лимоном и запечатанную бутылку армянского коньяка.

– Арсений, я тебя всегда считал своим другом и поэтому вправе рассчитывать на понимание.

– Конечно, Лаврентий, – выдавил Зверев, медленно качнув головой, догадываясь, что его пытаются вовлечь в непредсказуемую интригу, чего прежде ему удавалось ловко избегать.

– Мы всегда боролись с врагами партии и народа. – Берия нарочито надавил на «мы». – Но вырезанная опухоль измены и ненависти к нашему социалистическому строю и товарищу Сталину каждый раз оставляла метастазы, из которых разрастались новые заговоры и предательства. В этот раз врагам через агентов сионизма, внедренных в органы государственной безопасности, удалось слишком близко подобраться к вождю. Сначала Щербаков, потом Жданов, следующим могло случиться подлое убийство Хозяина.

Зверев хотел что-то уточнить, но, сочтя это неуместным, молча плеснул себе коньяку.

– Да, Арсений, все так! – уловив непрозвучавший вопрос, отвечал Берия. – Все агенты ЕАК уже дали признательные показания, бывшие сотрудники МГБ пока упорствуют. Но это лишь пока. Мы это понимаем, но это понимают и враги, которые остались на свободе и вряд ли будут бездействовать, – Лаврентий Павлович придавил дольку лимона в стакане, отловил ее ложечкой, выложил на хрустальную розетку и, как могло показаться Звереву, залюбовался случившимся натюрмортом, однако пить чай не стал. – Согласись, что покушение на Сталина невозможно без внедрения агентов в его ближайшее окружение.

Зверев сложил на груди руки, давая понять, что добавить нечего, но ему совершенно непонятно, какое отношение министр финансов может иметь к разоблачениям вражеских агентов.

– Из свиты Хозяина, – маршал заметил, как Зверев заерзал на стуле. Слово «свита» бросало тень пренебрежения на вождя. – Из его окружения не взяли никого.

– Почему? – наконец выжал из себя Арсений Григорьевич, посчитав, что затягивать молчание более крайне неприлично.

– Иосиф к ним привык, а новых людей опасается. Ему нужны веские доказательства измены. Догадкам и показаниям, полученным под нажимом, он

верит слабо. А у нас пока только догадки.

– Ты кого-нибудь подозреваешь, Лаврентий? – Зверев понимал, что именно этого вопроса ждет от него собеседник.

– Арсений, ты хорошо знаешь, как организованы аппарат и служба безопасности Сталина.

– Мне не по чину, – министр грустно улыбнулся и допил коньяк.

– Прекращай, Арсений, мы же без протокола. – Берия скривился, мазнув товарища вязким взглядом. – Без воли Поскребышева, а прежде еще и Власика, к вождю муха не подлетит. Без их участия ни один заговор невозможен. Думаю, что когда Сталин начал подозревать насчет Власика, тогда и сослал его в Свердловск. Но, во-первых, пока Власик не в Лефортово, Игнатьев до него не дотянется. Во-вторых, наш Иосиф может заскучать по своему сторожу.

– Лаврентий, – Зверев бросил украдкой взгляд на часы маршала, сверять время в разговоре по своим министр считал проявлением неуважения к собеседнику. – Я разделяю твою озабоченность, но чем тебе может помочь бухгалтер, пусть даже всесоюзного значения?

Берия уловил нетерпение гостя.

– Арсений, ты знаешь мою прямолинейность. Я убежден, что только арест Власика может спасти нас от катастрофы. Мы с тобой также отвечаем за жизнь Иосифа, как и каждый советский гражданин, который догадывается о существующей угрозе. Но ни мне, ни Маленкову, при всем к нам доверии, Сталин не поверит, спишет подозрения на мнительность и личную неприязнь к Власику. А вот если ты проведешь ревизию по своей части – сколько Власик тратил на содержание аппарата, охраны, личных и семейных нужд вождя, и вдруг будет обнаружена растрата, тогда мы и сможем его прижать. Иосиф Виссарионович – аскет, лишнюю копейку на себя не потратит, поэтому к финансовым злоупотреблениям относится сурово. В заговор Абакумова он не хотел верить до тех пор, пока ему не рассказали об абакумовской глупой роскоши. За это и Жукова он еле терпит.

– Наша скромность – наше алиби. – Зверев облегченно вздохнул, утверждаясь, что просьба Берии законна, вполне резонна и не сопряжена с риском.

– Проведешь ревизию, отправишь записку на имя Маленкова, дальше уже дело техники. – Перемена настроения министра финансов обнадежила Берию. – Только сделать это надо быстро.

– А если все будет чисто? – Зверев поднял бокал, но отчего-то передумал и поставил его на место.

– В твоей объективности я не сомневаюсь, Арсений Григорьевич, как и в том, что никогда не станешь покрывать врага народа.

На том и распрощались.

Проводив гостя, Лаврентий Павлович попросил свежего чая погорячее и достал из сейфа совместную записку заместителя Берии по Специальному комитету генерала Бориса Ванникова и гения ядерной физики Игоря Курчатова – научного руководителя атомного проекта.

Документ под грифом «Сов. секретно» предполагал три адреса: Сталину, Берии и Маленкову, хотя обычно Ванников бумаги подобного рода направлял сначала ему, чтобы сам Берия, в зависимости от содержания и значения, передавал их дальше. Здесь же Ванников нарушал установленный порядок, что могло произойти только по распоряжению Кобы. В докладе излагались причины, по которым испытания водородной бомбы не могли состояться в поставленный Берией срок – в ноябре и откладывались еще на шесть месяцев.

Сталин хоть и исповедовал принцип «незаменимых у нас не бывает», однако, благодаря атомному проекту, признавал в Берии исключение из этого правила. До войны практическое применение исследований физики ядерного ядра казалось абсолютной фантастикой и вариацией на тему поиска Шамбалы по лекалам Рериха и расстрелянного троцкиста Блюмкина, добывавшего оккультные формулы для большевистского правительства. Дело было неблагоприятное, цель туманна, а ответственность колоссальна, поскольку параллельно и Англия, и Америка, и Германия бились над ядерной загадкой. В конце 30-х Сталин поручил это дело Берии, посчитав главной движущей силой советского атомного проекта технический шпионаж. Красным вождям методы

экспроприации и в науке казались наиболее очевидными. Отечественным же физикам-ядерщикам отводилась роль «талмудистов», должных расшифровывать краденые «манускрипты».

28 сентября 1942 года, через полтора месяца после старта «Манхэттенского проекта», Государственный комитет обороны принял постановление № ГКО-2352сс «Об организации работ по урану». 12 апреля 1943 года при Академии наук СССР создали Лабораторию № 2, руководить которой поставили сорокалетнего Курчатова.

Лаврентий Павлович оказался на высоте. Ему удалось взять под контроль весь ход работ отца ядерного оружия Роберта Оппенгеймера. Через двенадцать дней после сборки первой американской атомной бомбы описание ее устройства уже лежало на столе Берии. Но получаемые бериевскими агентами сведения позволяли лишь скромно копировать американские разработки и в режиме самообразования готовить собственные атомные кадры.

Ближе всех к изобретению ядерного оружия стояла Германия, которой не хватило буквально полугода, чтобы взорвать над небом стран антигитлеровской коалиции «сотни тысяч солнц». Не случайно немецкие физики, чертежи и оборудование стали самой желанной добычей союзников, обладание которой сулило мировое господство.

В отличие от Сталина, ничего не понимавшего в роскоши, Берия умел быть благодарным, осыпав академика Курчатова царскими почестями. Игорь Васильевич по итогам испытаний первой атомной бомбы получил полмиллиона рублей, особняк в Москве, дачу в Подмоскowie и правительственный ЗИС-110.

К первому января 1951 года в арсенале страны насчитывалось уже девять атомных бомб, но, лежащие в кладовой, они продолжали оставаться лишь гордостью научных достижений и испытательным материалом, но не грозным оружием. Не себя же бомбой подрывать, а до супостата три с лишним тонны накрепко запаянного в металлическую обертку «солнца с бурей» надо еще исхитриться добросить. И только 18 октября 1951 года, сбросив с дальнего тяжелого бомбардировщика Ту-4 атомную бомбу РДС-3 в сорок две килотонны мощностью, взорвавшуюся в 380 метрах над Семипалатинским полигоном, удалось, наконец, уравниваться в силе с Америкой.

Атомный триумф Берия замкнул на себя, став незаменимым посредником между Сталиным, учеными и сотнями тысяч советских граждан, отдававших силы и здоровье ядерной славе Красной империи.

Лаврентий Павлович понимал, что пока в глазах Сталина является единоличным руководителем атомного проекта, он неприкосновенен, и вождь раз за разом будет закрывать глаза на внутривластные шалости своего техногенного маршала, прощая даже убийства собственных соратников. Но теперь-то дело сделано, работа налажена, планы начертаны на много лет вперед. Конечно, еще продолжалась работа, начатая в августе 1950 года, над зенитно-ракетной системой противовоздушной обороны «Беркут», которой занималась КБ-1, где на должности главного конструктора трудился сын Лаврентия Павловича – Серго. Еще через месяц, на ноябрь 52-го, запланированы испытания водородной бомбы, успех которых окончательно выведет СССР в лидеры ядерной гонки. И на этом незаменимость Берии будет исчерпана. Вместо него может встать Ванников. Да кто угодно может управлять созданной и отлаженной им отраслью. И вот тогда на Берию вместо очередных орденов и регалий повесят расстрельные дела, перегибы и бесчинства, как в свое время на Ежова.

В 1950 году американская контрразведка раскрыла всю советскую агентурную сеть, действовавшую в США и Англии. В Лондоне арестован наш главный атомный разведчик Клаус Фукс, который и сдаст чету Розенбергов. Работа с агентурой велась под руководством атомного маршала. Ответственность за крупнейший провал в истории советской разведки в свете мингрельского дела и сионистского заговора в МГБ Сталин не преминет возложить на Берию. И мотив подберут весьма подходящий – попытка Берии заручиться поддержкой зарубежных спецслужб в подготовке заговора против Сталина.

«Коба – большо-ой любитель таких фокусов». – Лаврентий Павлович помянул сгинувших Тухачевского, Якира, Зиновьева, Ежова.

Глава 19. «Сталинской партии ратник могучий»

Тягостные мысли прервала рулада белого аппарата, по которому звонили только два человека – сам Хозяин или его личный секретарь. Холодным тоном Поскребышев известил о совещании у Сталина в двадцать два часа. Лаврентий

Павлович хорошо знал, что в аппаратных играх личное отношение к соратникам принято держать при себе. Лакмусовой бумажкой в этом вопросе остаются секретари и жены, уважающие или презирующие тебя ровно настолько, насколько уважает или презирает тебя шеф или супруг. Металлический тембр Поскребышева ничего хорошего не сулил. Возможно, это связано с недовольством Сталина переносом испытаний, возможно, докладом Огольцова о ходе расследования.

«Татарина этого надо убирать, своей собачьей верностью он погубит все мероприятие». – Берия снял пенсне и зажмурился.

– Лаврентий Павлович, – постучавшись, в кабинет вкрался Саркисов. – Судоплатов прибыл, ждет в адресе.

– Очень вовремя. – Берия глубоко вздохнул, словно в затхлой камере открыли форточку. – Готовь машину. Выезд тихий.

– Есть! – Хозяйская радость передалась слуге.

Тихий выезд означал передвижение маршала на ЗИМе[6 - Выпускавшийся на заводе им. Молотова лимузин, для номенклатурной прослойки уровня замминистров и первых секретарей обкомов.] без охраны, за исключением Саркисова. Автомобиль всегда стоял под парами для поездок на конфиденциальные встречи или же для доставки-отправки дорогих сердцу маршала дам.

В свежей послевоенной пятиэтажке, отстроенной пленными немцами, просторная трехкомнатная квартира использовалась для нужд сердечных, реже – для встреч с Гоглидзе или Судоплатовым. Квартиру, с большим вкусом обставленную трофейной мебелью, Лаврентию Павловичу подарил Жуков. Берия «барахольство» презирал, но подношениями не брезговал. Самую большую комнату занимал массивный спальный гарнитур из красного дерева немецких мастеров конца XIX века. Опочивальню вывезли из австрийского замка какого-то барона. Барон был стар, бездетен, в нацистской партии не состоял, однако коллекция фламандской живописи и прочее фамильное добро не позволили ему уйти от возмездия за преступления против мира и человечности. В том же духе гостиная и кабинет конспиративной квартиры, несочетаемые с обоями московской обойной фабрики и ивановским текстилем на окнах, превращали

квартиру в антикварную комиссионку.

Прибывший накануне из Варшавы сорокалетний генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов до золотой звезды Героя не дотянулся, но имел солидный иконостас из орденов Ленина, Суворова, Отечественной войны, трех орденов Красного знамени и двух Красной звезды. Каждая из наград отмечала очередной террористический акт, совершенный в интересах советского правительства. Пожалуй, никто не был настолько глубоко посвящен в тайны Берии, как Судоплатов, поскольку выполнял не только официальные поручения от имени партии и Сталина, но и личные заказы Берии по устранению неудобных. Назначенный начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей, Судоплатов хотя и подчинялся непосредственно Эйтингону, которого ныне Рюмин мучил в подвале Лубянки, но в своих неограниченных полномочиях с правом на убийство был ограничен только волей Берии. Судоплатов создал свою агентуру, о которой не знал ни Абакумов, ни Эйтингон.

Арестовали всех руководителей разведки и только Судоплатова не тронули из-за его постоянного пребывания за рубежом, где арестовать Судоплатова, учитывая его диверсионный опыт, было практически невозможно. Отзывать же в Москву диверсанта крайне рискованно, поскольку Павел Анатольевич, догадавшись, с чем связан этот вызов, мог перейти на сторону врага, как в свое время сделал личный секретарь Сталина Борис Бажанов. После ареста Абакумова временно исполняющий обязанности министра Сергей Огольцов связался с Судоплатовым, который тогда находился в Варшаве, и в самых лестных, не подобающих руководителю госбезопасности эпитетах, долго расхваливал за службу и преданность. В знак «особого доверия» Огольцов подписал давнишний рапорт супруги Павла Андреевича, полковника МГБ Эммы Соломоновны Кримкер, о переводе к мужу. Огольцов понимал, что для Судоплатова даже арестованная жена не станет моральным препятствием предать родину. На дорожку Огольцов подумал было вербануть Эмму Соломоновну в свой агентурный актив, но решил не рисковать.

Полученная шифрограмма Берии о срочном вызове в Москву целый вечер мучила Судоплатова страшной изжогой, от которой не спасали ни мед, ни сода. В Берии Судоплатов не сомневался, поскольку генерал маршалу был нужен больше, чем маршал генералу. Но если генерал пойдет против Берии, тогда Судоплатову наверняка отведут роль одного из главных свидетелей, и этого Берия не мог не понимать.

«Тогда зачем он так рискует, вытягивая меня в Москву? – давился содой генерал. – Решил убрать? Вряд ли. Для этого не нужно вызывать в столицу, достаточно вытащить в Киев. В Москве тихо ликвидировать не получится. Да и кому? Остались только мои ребята. Другие оперативные группы замыкались на Эйтингона. Похоже, Лаврентий Павлович не желает смиренно дожидаться ареста, решил действовать на опережение. Это в его духе. А что? Может, и получится, если грамотно сработать. И Витю надо вытаскивать. – Судоплатов вспомнил последнюю попойку с Абакумовым в его министерском поместье. – Но как? Устранить Рюмина? Огольцова? Или...» – Дальше «или» Судоплатов решил не загадывать.

Границу генерал пересек по паспорту дипломатического работника Жмыхова. В начале пятого утра, нащупав в кармане ТТ, Судоплатов открыл дверь явочной квартиры. Аккуратно обыскав апартаменты на наличие средств «объективного контроля», не пропустив даже трюмо спальни, содержимое которого вызвало снисходительную улыбку к начальственным слабостям, Павел Анатольевич поднял трубку телефона, но тут же передумал, спустился вниз, через два квартала нашел таксофонную будку, позвонил Саркисову, условленным кодом сообщив ему о своем приезде.

Встреча с Берией сразу обрела деловой тон.

– Спасибо, что приехал, Павел. – Маршал не собирался затягивать с прелюдией. – Думаю, тебе не стоит объяснять всю серьезность ситуации. Наши все арестованы, копают под меня. Свои перспективы, думаю, здраво оценить ты способен.

Судоплатов молча кивнул и, не спрашивая разрешения старшего товарища, достал из серебряного портсигара папиросу.

– Ты же вроде бросил, – Берия поправил пенсне.

– Уже начал, Лаврентий Павлович, – поморщился Судоплатов, вспомнив о вчерашней изжоге. – Выходит, что мы мертвы?

– Смерть – не самое плохое, что может случиться с человеком. Рюмину позволено сутками держать Абакумова в ледяном карцере и избивать. Витя держится, но боюсь, он сдастся раньше, чем сойдет с ума.

– Как остальные? Как Эйтингон?

– С ними тоже не церемонятся. Но следователи даже не догадываются, как много они знают. Хотя Майрановский потек, и мы пока не в курсе, что он наговорил. Думаю, рассказал все, что знал.

– Я бы не спешил с выводами. – Судоплатов почувствовал возвращение изжоги.

– Паша, ты предлагал не спешить с выводами, когда я еще в 46-м хотел ликвидировать этого ненормального. Но ты за него поручился. В итоге своими показаниями он роет нам могилу. Надо понять, как разгрести все это дерьмо. Хозяин потерял чувство реальности, стал заложником собственной старости, своих полоумных детей, идиотов и карьеристов. Напоследок он решит уничтожить нас, – слово «нас» Берия раздавил, словно клопа. – Я думаю, максимум через полгода Коба санкционирует мой арест. Возможно, дождется испытаний водородной бомбы, чтобы в случае срыва повесить его на меня. Я ни в коем случае не желаю его смерти, – Берия перешел на несвойственный ему шепот, – но я еще больше не хочу, чтобы меня, как Абакумова, били палками, превращая в сумасшедшую обезьяну. Меня! Берию! Остановившего бегство нашей доблестной армии под Москвой, меня – организатора партизанского движения! Меня – вооружившего страну атомной бомбой! Чтоб меня, как собаку! – Берия перешел на крик, пытаясь удержать пенсне на переносице, сотрясаемой нервными судорогами.

– Почти невозможно, – тихо и внятно проговорил Судоплатов. Берия замолчал и нахмурился. – У меня есть свои люди в охране Хозяина, но Косынкин им не доверяет, держит на дистанции. В информаторы они годятся, под другие задачи задействовать их невозможно.

– А подход к Косынкину можно найти?

– Исключено. Он лично предан, безупречен, живет только службой. Отдаст жизнь за Родину, за Сталина. Мы пытались с ним говорить, но он, почувствовав ход разговора, немедленно его пресек, в дальнейшем избегая всякого общения.

– Решение, нужно решение. – Лаврентий Павлович потянулся и встал с кресла.

– Есть еще одна заковырка. – Судоплатов достал очередную папиросу.

– О Поскребышеве не переживай. С ним я сам разберусь. – Маршал чуть сдвинул плотную гардину, украдкой рассматривая улицу. – Жаль, лабораторию разгромили. Там еще много всякой вкуснятины оставалось.

– Лаврентий Павлович, – Судоплатов внимательным взглядом проводил папиросное белесое облачко, – запасы нашего доктора мы успели вывезти. У Майрановского ничего не оставалось, только экспериментальные образцы.

– Значит, мы по-прежнему вооружены и опасны. – Берия отворил дверцу шкафа, и, хотя перед ним стоял им же самим распечатанный день назад его любимый коньяк, он предпочел откупорить новую бутылку, залитую сургучом.

Маршал с философским наслаждением вдохнул коньячный аромат и, подняв бокал, сдержанно кивнул гостю:

– С возвращением, Паша.

– Ваше здоровье, Лаврентий Павлович. – Генерал не сразу осушил хрусталь, почтительно дождавшись, когда это сделает шеф.

– Сколько у тебя здесь людей?

– Оперативная группа человек десять, из них четверо заслуживают полного доверия.

– Особо опасные? – Берия любил эту породу людей. – Назначь кого-нибудь вместо себя, поставь задачу и уезжай. В Москве часто появляться не рискуй, сроки не тяни.

– Связь через Саркисова? – Судоплатов недоверчиво прищурился.

– Нет. Звони по этому телефону, – Берия карандашом нацарапал на салфетке цифры. – Спросишь Катю, представишься Георгием из Киева, пригласишь в «Ударник», назначишь время. Это значит, что вечером следующего дня мы с тобой встречаемся.

Берия первым покинул квартиру.

– Куда дальше, Лаврентий Павлович? – спросил Саркисов, ожидавший маршала в машине, оставленной в переулке за квартал до конспиративного дома.

– Лялю проведем, а потом на Ближнюю, – Берия прикрыл глаза и раз за разом стал прокручивать состоявшийся с Судоплатовым разговор.

Глава 20. Грешите и заблуждайтесь!

«Как же много машин и куда они все хотят попасть? А главное, зачем? Торгаши и паразиты! – Мозгалеvский опустошенным взглядом созерцал тягучую пробку на третьем транспортном кольце через разбегающиеся по стеклу брызги дождя. – Все тлен и суета. А вот и поделнички».

Звонил Красноперов.

– Ты где? – бодрый голос генерала разогнал тягостные мысли.

– Еду по «трешке». – Мозгалеvский пытался понять, рад он слышать товарища или не рад. – Точнее, не еду, а тащусь.

– Куда? – голос собеседника сквозил странным удивлением.

– Пинать верблюда, пока лежит, а то встанет – убежит, – прокрихтел Мозгалеvский, решив для себя, что он не хочет ни видеть, ни слышать Красноперова, равно как и любого другого. Он даже тяготился своим водителем, донимавшим его глупыми рассказами про отпуск в Крыму, про оборзевших армян с автосервиса, где он чинит свою «Тойоту», и про сговор Египта с Америкой против России.

– Мы собрались, тебя ждем, – не обращая внимания на настроение Владимира, продолжал генерал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ГОН – гараж особого назначения.

2

Вождь мирового пролетариата долгое время щеголял на «Роллс-Ройсе» Николая II, и в начале двадцатых пересадил всю партийную элиту на эти автомобили. В страну, изводимую массовыми убийствами и голодом, по приказу Ленина было поставлено семьдесят три роскошных лимузина. Спустя десять лет «чопорных англичан» заменили на «брутальных американцев». В 1935 году Рузвельт подарил Сталину бронированный «Паккард 12», уникальный в своем роде. На нем Иосиф Виссарионович проезжал двенадцать лет, пока в 1947 году не пересел на бронированный лимузин ЗИС-115, исполненный на базе «Паккарда 180». Броневик весил пять тонн, его тянули сто шестьдесят две лошадиные силы.

3

21 августа 1940 года Льва Троцкого на вилле в Мексике зарубил агент Судоплатова Рамон Меркадер. И хотя снадобья Майрановского не пригодились, Григория Моисеевича среди прочих представили к боевому ордену.

4

Рабоче-крестьянская Красная армия.

5

Популярная марка кубинских сигар.

6

Выпускавшийся на заводе им. Молотова лимузин, для номенклатурной прослойки уровня замминистров и первых секретарей обкомов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mironov_ivan/vyssshaya-kasta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)